

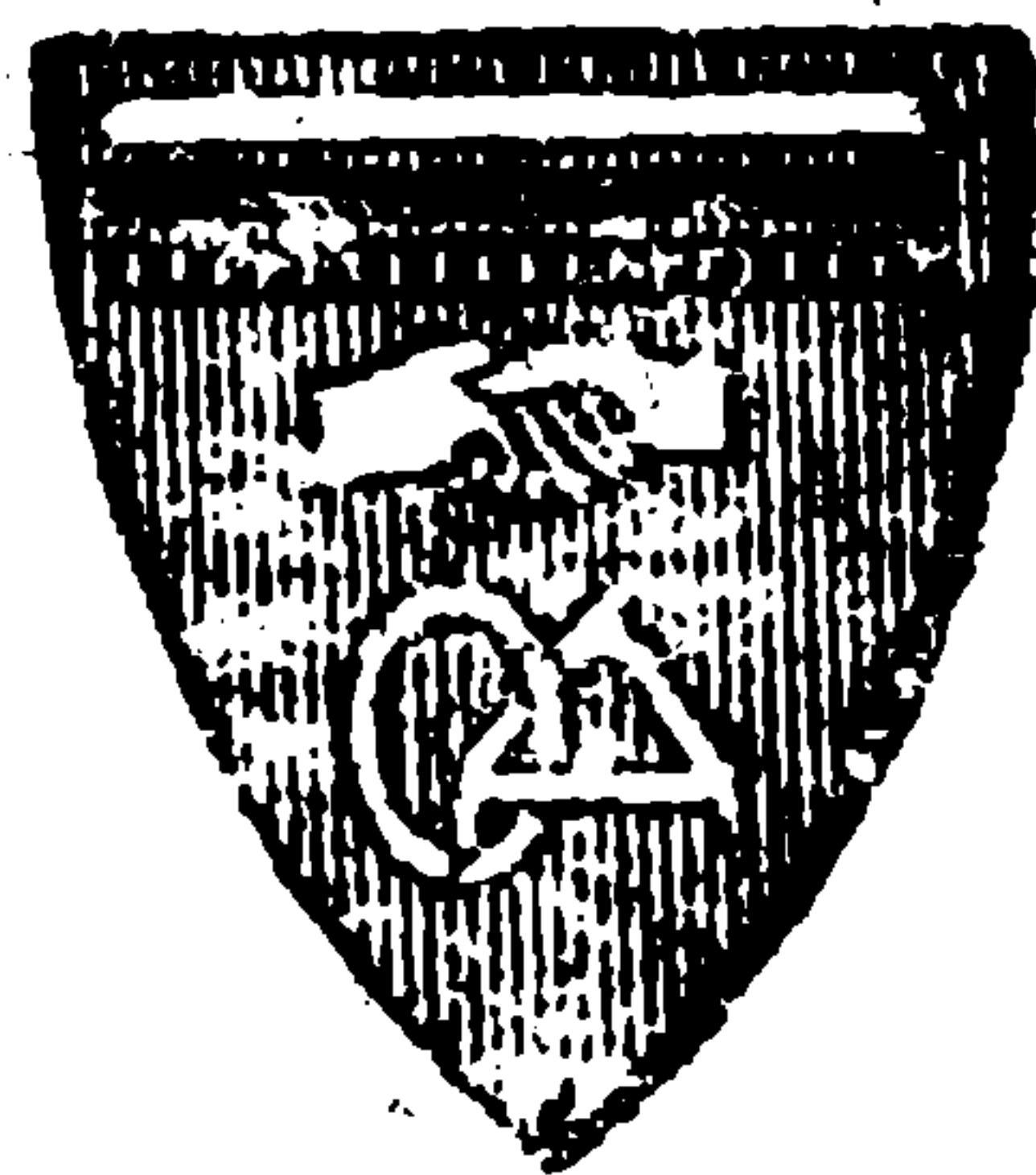
**ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДЪ.**

ВЫПУСКЪ 74.

Д-ръ Н. А. ВЕСКИДЪ.

А. В. ДУХНОВИЧЪ

и его поэзія.

**УЖГОРОДЪ 1930.
ТИПОГРАФІЯ ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ.**

ИЗДАНИЯ О-ВА ИМ. АЛ. ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

1. Евменій Сабовъ: Грамматика русскаго языка для средн. учебн. зав. Подк. Руси. Ч. I. Этимологія. Ужгородъ 1924 г. 12 кч.
2. В. А. Францевъ: Къ вопросу о литературномъ языкѣ Подкарпатской Руси. Ужгородъ 1924. (Разошлось). 2 кч.
3. Нар. Библ. ч. 1. И. Поливка: Что такое библиотека?; И. Поливка: Первые учителя и просвѣт. Славянъ; П. Федоръ: Пьянство—гибель народа; М. Микита: Объ уходѣ за удобреніями. Ужгородъ, 1925 г. 1 кч. 50 гел.
4. Нар. Библ. ч. 2. Нашъ Презид. Фома Масарикъ. (Разошлось). 1.50 кч.
5. Нар. Библ. ч. 3. Объ охранѣ отъ заразныхъ болѣзней (хворотъ). Питаніе человекъ. Ужгородъ, 1925. (Разошлось). 1.50 кч.
6. Нар. Библ. ч. 4. О дружествахъ земледѣльцевъ. Ужгородъ, 1925. (Разошлось). 1.50 кч.
7. О литературн. языкѣ карпаторос. и грамматика Е. Сабова. 1925, 2 кч.
8. Е. Сабовъ: Очеркъ литерат. дѣят. и образов. карпаторосс. 1925. 4 кч.
9. Нар. Библ. ч. 5. Познай себя. Бесѣда о нашемъ языкѣ. Ужгородъ, 1925. 1.50 кч.
10. Нар. Библ. ч. 6. Разказы о жизни животныхъ. Ужгородъ, 1925. 1.50 кч.
11. Д-ръ Ю. Гаджега: О-во им. А. Духновича и русск. женщ. 1925. 2 кч.
13. Д-ръ I. Каминскій: Національн. самосознаніе нашего народа. 1926. 2 кч.
14. Евм. Сабовъ. Рѣчь о А. Духновичѣ въ Севлюшѣ. 1925. 2 кч.
15. Нар. Библ. Нашъ президентъ Ѡ. Масарикъ. II-е изд. 1925. 1.50 кч.
16. Д-ръ Ю. Гаджега: Ист. О-ва св. Василя Вел. 1925. (Разошлось). 5 кч.
17. Народная Библиотека. Лисица. Отзывъ прадѣдовъ. 1925. 1.50 кч.
18. Народная Библи. Воздѣлываніе кукурузы. В. Бензина. 1926. 8 кч.
19. Народная Библи. Народный катехизъ. 1926. (Разошлось). 1.50 кч.
20. П.С. Федоръ: Краткій очеркъ дѣятельн. А.И. Добрянскаго. 1926. 2 кч.
21. Е. Сабовъ: Рѣчь по случаю открытія памяти А.Е. Фенцика. 1926. 2 кч.
22. Д. Н. Вергунъ: А. Е. Фенцикъ и его мѣсто въ русской литерат. 2 кч.
23. Н. Павловичъ: Русская культура и П. Русь. 1926. (Разошлось). 2 кч.
24. Д-ръ С. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва Духновича. 1922-1926. 8 кч.
25. Д-ръ I. Каминскій. Народн. Календарь О-ва. 1927. (Разошлось). 5 кч.
26. Духновичъ—Ст. Фенцикъ: Нашъ національный гимнъ. 1926. 2 кч.
27. А. Бобульскій: «Нѣмая невѣста». Пьеса въ 1 дѣйств. 1926. 2 кч.
28. И. Лаппо: Происхожд. украинск. идеологіи новѣйш. врем. 1926. 2 кч.
29. Д-ръ Ю. Гаджега: Краткій обзоръ научной дѣятельности Ю. И. Венелина (Гуцы). 1926. 5 кч.
30. Проф. д-ръ А. Петровъ: Древнѣйшая церк.-слав. грамота 1404 г. о Карпаторусской территоріи (съ фотогр. снимкомъ грамоты). 3 кч.
31. Д-ръ С. А. Фенцикъ: Нар. Календарь О-ва Духновича на г. 1928. 7 кч.
32. Д. Анталовскій: «Рождественская ёлка», пьеса въ 2 д. 1927. 2 кч.
33. Д-ръ К. Н. Шимановскій: «Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапныхъ заболѣваніяхъ». 1927. 2 кч.
34. П. С. Федоръ: «Несчастная судьба», пьеса въ 4 дѣйств. 8 кч.
35. Д-ръ Ю. Гаджега: Исторія Ужгородск. Богосл. Семинаріи. 1928 6 кч.
36. Андрей В. Карабелешъ: Собраніе стихотвореній.
37. Валерій С. Вилинскій. Корни единства русской культуры — ц. 5 кч
38. Георгій Верховинскій: Юрко Русинъ и его внучка — ц. 3 кч.
39. И. М. Конратовичъ: Къ исторіи стародавняго Ужгорода. 5 кч.
40. Антоній Луковичъ: Національная и языковая принадлежность русской части Подкарпатской Руси. 1929. 4 кч.
41. Стихотворенія А. Попрадова-Ставровскаго, собр. д-ръ Н. Бескидъ
42. Д-ръ Ю. Гаджега: Два историческихъ вопроса, 1928. — ц. 5 кч.
43. Д-ръ Н. Бескидъ: Изъ славянскаго прошлаго. (Печатается).
44. Народный Календарь О-ва на 1929 г. подъ ред. Д-ра Степана А. Фенцика, 1928. — ц. 4 кч.

**ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДЪ.**

ВЫПУСКЪ 74.

Д-ръ Н. А. БЕСКИДЪ.

А. В. ДУХНОВИЧЪ
и его поэзія.

УЖГОРОДЪ,
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ»
1929.

Всѣ права закрѣплены.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

24 апрѣля 1928 года исполнилось 125 лѣтъ со дня рожденія Александра Васильевича Духновича.

Русское Культурно-Просвѣтительное Общество им. Ал. Духновича, желая отмѣтить эту славную дату, постановило собрать и издать стихотворенія нашего знаменитаго писателя и своего патрона.

Конечно, такое рѣшеніе болѣе значительно, чѣмъ всякаго рода внѣшнія манифестаціи, тѣмъ болѣе, что нашъ читатель уже давно ожидаетъ изданія сочиненій Духновича, который своимъ вдохновеньемъ пробудилъ къ національной дѣятельности не одно поколѣніе карпаторусскаго народа.

Всѣхъ стихотвореній Духновича, извѣстныхъ намъ, имѣется 112, изъ нихъ на латинскомъ языкѣ — 3, на мадьярскомъ — 2, на шарышскомъ діалектѣ — 1, всѣ прочія на русскомъ.

Въ печати разновремененно появилось изъ нихъ 54 — въ различныхъ журналахъ, календаряхъ и сборникахъ. 38 вещей, изъ напечатанныхъ прежде, собралъ и издалъ въ видѣ отдѣльной книжки Д-ръ Франтишекъ Тихій въ 1922 году¹⁾. Однако это изданіе не удовлетворяетъ самымъ примитивнымъ требованіямъ науки: текстъ сообщенныхъ стихотвореній переданъ не точно, съ ошибками, а мѣстами и съ пропусками и измѣненіями.

Прочія стихотворенія до сихъ поръ были въ рукописяхъ, часть которыхъ находилась въ пряшевской епископской библиотекѣ²⁾, основанной въ 1826 году Іоанномъ Ковачомъ, воспитателемъ короля Фердинанда V-го³⁾, а часть

¹⁾ Поэзіи Александра Духновича, изд. «Товариства Просвѣты» въ Ужгородѣ.

²⁾ № 6: Записки Александра Духновича. Четыре тетрадки отъ 1858 г. до 1864 г. Описалъ ихъ К. С. Свѣнцицкій въ сочиненіи: «Матерьялы по исторіи возрожденія Карпатской Руси», Львовъ 1909, стр. 118—126.

³⁾ Ср. Н. Бескидъ: Kováts János (1764—1834) Budapest, 1909.

въ монастырѣ на горѣ Чернекъ⁴⁾). Отмѣтимъ, что бібліотека Духновича попала въ Краснобродскій монастырь, который былъ разоренъ во время войны. вмѣстѣ съ монастыремъ, вѣроятно, пропала и часть сочиненій Духновича⁵⁾). Кромѣ того слѣдуетъ указать, что до міровой войны часть рукописнаго матерьяла Духновича находилась и въ бібліотекѣ «Народнаго Дома» во Львовѣ, а именно: подъ № 174 — «Забавки Александра Духновича, каноника пряшевскаго, 1848» и «Загадки и логогрифы. Дѣйствованіе Александра Духновича, крылошанина въ Пряшевѣ»⁶⁾), однако, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ президіума «Народнаго Дома», эти рукописи во время войны исчезли. Какъ сообщаетъ г. Гр. Малець, предсѣдатель О-ва Народнаго Дома, «возможно, что они въ 1915 году, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими рукописями и цѣнными документами вывезены съ музеемъ Ставропигійскаго Института въ Ростовъ на Дону и тамъ до сихъ поръ находятся. Однако точныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется»⁷⁾). Мы интересовались по этому поводу въ Москвѣ у проф. Э. Э. Аристова, однако, по его сообщенію, никакихъ слѣдовъ въ Ростовѣ на Дону относительно сочиненій Духновича обнаружено не было. Между этими рукописями находилась и пьеса Духновича отъ 1852 года «Головный тарбанщикъ» и три его стихотворенія: «Епитафія или надгробная надпись славнаго пьяницы», «Поздравленіе Русиновъ на новый годъ 1852» и «Прощаніе съ мясницами». Послѣднее было, впрочемъ, напечатано въ «Вѣстникѣ» 1852 г. Кромѣ того необходимо подчеркнуть, что въ записяхъ «Народнаго Дома» во Львовѣ указано 22 стихотворенія Духновича, а именно въ первой записи — «Стихи на взятіе Варны 12 окт. 1829 г.», «Пѣснь о отходѣ любезной», «Пѣснь къ любезной», «Пѣснь страсти Іисуса», «Роза» (аллегорія), «Разсужденіе о Бозѣ створителѣ», «Пѣснь Богу всемогущему», «О смиреніи юнцовъ», «О чести», «Слава міра», «Способы счастья», пере-

⁴⁾ № 1141: *Private cogitationes, praesertim nocturnae Alexandri Duchnovics*, начиная съ 1883 г. См. соч. Свѣнцицкаго, указанное выше. Слѣдуетъ отмѣтить, что актъ основанія бібліотеки Краснобродскаго монастыря составилъ самъ Духновичъ въ 1859 г. Не желая, чтобы его, Духновича, бібліотека оставалась мертвымъ капиталомъ, но служила дѣлу просвѣщенія и была доступна желающимъ, поэтъ передалъ свою бібліотеку Краснобродскому монастырю, гдѣ она и существовала подъ именемъ «бібліотека Духновича».

⁵⁾ Актъ передачи хранился въ монастырѣ на Чернецкой горѣ. См. статью А. Кралицкаго въ журналѣ «Свѣтъ» отъ 1870 г., стр. 252.

⁶⁾ Описалъ ихъ Д-ръ Святитскій въ своей статьѣ «Рукописи бібліотеки Народнаго Дома во Львовѣ», Научно-литер. сборникъ, Львовъ, 1904, III. 92—95.

⁷⁾ Отъ 8 іюня 1928 г.

водъ изъ стихотвореній мадьярскаго Павла Аньоша („Szo-
torgu csillagzat“); во второй — «Убогій», «Эпиграмма»,
«Спящая дитина», «Восточная заря», «Воспоминаніе», «Къ
Т.», «Воззваніе», «Памятникъ», «Страсть молодца» и «Ко-
нецъ».

Такимъ образомъ, изъ 112 стихотвореній, въ силу ука-
занныхъ причинъ, въ настоящій сборникъ удалось включить
только 90. Матерьялъ сгруппированъ по темамъ и публику-
ется строго по оригиналамъ — безъ какихъ либо измѣненій
и сокращеній. Въ томъ случаѣ, если рукопись отсутствовала,
принимался во вниманіе первопечатный текстъ. Къ стихо-
твореніямъ, гдѣ имѣется необходимость, мы даемъ примѣ-
чанія. Стихотвореніямъ мы нашли необходимымъ предпо-
слать очеркъ о значеніи Духновича, а въ частности — его
поэтическаго творчества.

День св. Гавріила Архангела, 1929.

Д-ръ Н. А. Бескидь.

А. В. ДУХНОВИЧЪ.

Касательно личности А. В. Духновича существуетъ уже цѣлая литература⁹⁾. Если принять во вниманіе, что это случилось по отношенію къ творцу на Подкарпатской Руси, культурнымъ положеніемъ которой интересовались слабо, то окажется, что личность Духновича воспринималась не только, какъ повседневная, но и какъ выдающаяся по своимъ качествамъ, за которой было интересно прослѣдить. Однако и понынѣ, при наличіи всей этой литературы, нельзя сказать, что поэтическое дарованіе и вообще творческія качества Духновича изслѣдованы въ достаточной мѣрѣ. При разбросанности данныхъ о его творествѣ, конечно, не столь легко составить себѣ о немъ должное представленіе.

⁹⁾ См. № 45 изд. О-ва им. А. Духновича проф. Ѳ. Ѳ. Аристовъ: Библиографическій перечень творчества им. А. Духновича» и № 52 — проф. Ю. А. Яворскій — «Дополненіе къ библиографіи А. В. Духновича». Къ этимъ перечнямъ слѣдуетъ добавить еще: «Вѣстникъ» 1851, 1857, 1865 г.г., „Reŝtbudínské Vědomosti“ 1862 г.; Петръ Феерчакъ — «Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ», Одесса, 1888; «Листокъ» 1889 и 1892; Д-ръ Святитскій — «Рукописи библиотеки Народнаго Дома въ Львовѣ», Львовъ, 1904; Пыпинъ и Спасовичъ — «Исторія славянскихъ литературъ», изд. II.; И. Франко — «Стара Русь». Львовъ, 1906; К. С. Свѣнцицкій — Матерьялы по исторіи возрожденія Карпатской Руси, Львовъ, 1909; Г. Геровскій — «А. Духновичъ», Народная Газета, Пряшевъ, 1928; Д-ръ Н. Шкирпанъ — «Духновичъ и національный вопросъ», Карпатскій Свѣтъ, Ужгородъ, 1928; Н. Срединъ (Д-ръ Е. Л. Недзѣльскій) — «Карпаторусскіе поэты», Центральная Европа, Прага, 1928; А. В. Поповъ — А. В. Духновичъ, Мукачево, 1929.

Одновременно пользоваться всѣмъ матерьяломъ о Духновичѣ невозможно, онъ не можетъ быть сосредоточенъ, а кромѣ того, и предвзятость нѣкоторой части критики затрудняетъ выясненіе важнаго вопроса — кѣмъ въ дѣйствительности былъ Духновичъ и какія идеи опредѣляютъ его творчество? Правда, золото не теряетъ цѣны и тогда, если его забросаютъ грязью, однако его блескъ, если и не тускнѣетъ по существу, то временно затрудненъ для воспріятія, а въ такомъ случаѣ можно и золото перепутать съ суррогатомъ.

Правда мѣстное общественное мнѣніе возвело Духновича на высокій пьедесталъ, однако было немало случаевъ, когда его значеніе хотѣли умышленно умалить. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на мнѣнія о немъ украинскихъ круговъ до войны, для которыхъ онъ былъ бѣльмомъ въ глазу, а въ частности на мнѣніе Ивана Созанскаго, который особенно занимался поэзіей Духновича и призналъ его «поэтичні проби» — «безъ найменшої литературної стійности» за «макулятуру, не литературу»¹⁰).

Безспорно, что мѣшало правильному освѣщенію личности Духновича и то обстоятельство, что онъ всегда ставился рядомъ, а иногда и подчинялся своему современнику А. И. Добрянскому. Такъ, напр., Пыпинъ говоритъ: «Главнымъ помощникомъ Добрянскаго въ народномъ дѣлѣ былъ каноникъ Александръ Духновичъ, личность, какія встрѣчались и въ другихъ славянскихъ литературахъ въ критическія минуты ихъ перваго пробужденія». Такимъ образомъ русскій историкъ литературы въ лицѣ Духновича видѣлъ только помощника Добрянскаго, хотя-бы и «главнаго».

Сущность народнаго вождя заключается при этомъ не въ количествѣ или качествѣ его личныхъ трудовъ, но въ томъ суггестивномъ, побуждающемъ и ободряющемъ вліяніи, которое онъ оказываетъ на массы. Поэтому, чтобы значеніе Духновича выявить въ области поэзіи, необходимо считаться съ тѣмъ временемъ, когда ему приходилось работать и съ тѣми обстоятельствами, которыя сопровождали его работу.

1.

Можно считать установленнымъ, что карпатороссы оторвались отъ общаго русскаго корня вслѣдствіе ослабленія Руси подъ вліяніемъ татарскаго нашествія.

¹⁰) Зап. Наук. тов. им. Т. Шевченка, 1908, стр. 124, 139.

Конечно, въ связи съ этимъ событіемъ карпатороссы не перестали быть русскими. Правда, враги предпринимали всѣ мѣры къ тому, чтобы погасить національное сознание нашего народа, однако все-же чувство общеплеменного русскаго единства хранили народныя сердца. Болѣе того, оно было живо и крѣпко. Явнымъ доказательствомъ тому служитъ постоянное паломничество нашихъ делегатовъ въ Москву, по примѣру епископа Іоанникія (1654—1684), который лично ѣздилъ къ русскому царю. Нѣкоторые изъ паломниковъ тамъ, въ Москвѣ, и остались и занимали впослѣдствіи высокіе посты. Къ этому еще прибавимъ, что епископъ Андрей Бачинскій (1772—1809) послалъ въ Россію двухъ монаховъ для изученія тамошняго монастырскаго устава съ цѣлью и у насъ завести однородное съ общерусскимъ благочиніемъ.

Поскольку карпатороссы крѣпили народное сознание, постольку державная Русь не забывала своихъ отторгнутыхъ братьевъ. Въ этомъ отношеніи показательна исторія Казанскаго Университета. Князь Голицынъ, бывшій въ 1819—20 годахъ министромъ народн. просвѣщенія, чтобы удовлетворить высочайшему повелѣнію, подалъ слѣдующую докладную записку: «Для замѣщенія кафедръ я обращался въ прочіе университеты наши, но въ оныхъ не нашлось желающихъ занять упомянутыя вакансіи. Одинъ народъ, отъ котораго намъ можно желать ученыхъ, есть карпато-россы, говорящіе однимъ съ нами языкомъ и сохраняющіе вѣру предковъ нашихъ... Но извѣстно, что правительство австрійское не благопріятствуетъ сношеніямъ карпатороссовъ съ нами... Одинъ, слѣдовательно, остается для сего способъ, непосредственное сношеніе правительствъ. По сему приѣмлю смѣлость испрашивать, не благоугодно-ли будетъ Вашему Императорскому Величеству, дабы министерство наше иностранныхъ дѣлъ вошло въ сношеніе съ австрійскимъ правительствомъ, для пріобрѣтенія ученыхъ изъ карпато-россовъ къ занятію въ Казанскомъ Университетѣ праздныхъ кафедръ»¹¹⁾. На настоящее ходатайство было дано соизволеніе, но въ Казанскомъ Университетѣ все-же карпатороссовъ не оказалось, потому-что Габсбургамъ такое предложеніе было не по вкусу. Ихъ, кромѣ того, раздражала дѣятельность и раньше выѣхавшихъ въ Россію карпатороссовъ: Балудянскаго, Лодія, Орлая, Павловича, Дурдобича и др. Это достаточно свидѣтельствуетъ, что карпатороссы, несмотря на вѣковыя давленія, были въ національномъ отношеніи совершенно здоровы и даже преуспѣвали.

¹¹⁾ Сборникъ постановленій по мин. народн. просвѣщ., Т. I, стр. 1357—1358.

До революції державной Руси дважды представлялась возможность ревиндикації. Въ первый разъ была эта возможность у императора Павла въ томъ случаѣ, если-бы онъ связался съ Наполеономъ въ цѣляхъ завоеваній, а вторично въ 1849 году, въ пору мадьярскаго мятежа. Первая возможность разстроилась благодаря тому, что французскіе эмигранты внушили императору Павлу презрительное отношеніе къ Наполеону, вторая — благодаря тому обману, которому поддался императоръ Николай I. Конечно, въ послѣднемъ не были виноваты ни карпатороссы, ни русскій императоръ, однако это было причиною трагедіи нашего народа, а въ частности и его выдающагося вождя А. И. Добрянскаго.

Будучи талантливымъ политикомъ въ жизни, по профессіи Добрянскій, какъ извѣстно, былъ не только инженеромъ, но и юристомъ. Вѣдь прежде, чѣмъ отправиться въ Шемиць въ горную академію, два года, а именно съ 1834 и по 1836, онъ обучался въ Ягрѣ на юридическомъ факультетѣ. А насколько сохранилась память объ этомъ періодѣ жизни Добрянскаго, онъ оставилъ правовѣдѣніе не такъ по причинѣ особой симпатіи къ горному дѣлу, но благодаря тому, что въ Ягрѣ между студентами и общественностью установились натянутыя отношенія, причиною которыхъ, возможно, была отчасти и пылкая натура Добрянскаго¹²⁾. Жалѣть, что Добрянскій оставилъ Ягеръ — не приходится, Шемиць былъ для него гораздо болѣе удобной почвой для оформленія идеологіи. Нужно сказать, что въ горной академіи всегда обучалось достаточно иностранцевъ, а особенно славянскаго племени: Шемиць все-же былъ славянской землей. Широкой приливъ молодежи давалъ обширныя знакомства, рождалъ новыя идеи, возбуждалъ соревнованіе и укрѣплялъ волю. А время, когда въ Шемиць былъ Добрянскій, было революціонное. Просыпались народы. Возрастала славянская идея. «Дочь Славы» Коллара, рисуя картины мощи, возбуждала молодое воображеніе.

О, если-бы племень славя́нскихъ стая
Сребромъ и золотомъ передо мной
Блеснула разомъ — въ статуѣ одной,
Я изваялъ-бы ихъ не раздѣляя.

¹²⁾ Среди его соучастниковъ въ Ягрѣ было два карпаторосса: Августинъ Габина и Василій Ильковичъ. Однако, объ ихъ судьбѣ мы ничего не знаемъ. Деканомъ факультета былъ Маѳей Ковачъ, а профессорами — Францъ Ленеръ, Юсифъ Салай, Іоаннъ Мадарасъ и Павелъ Динкай. Конфликтъ между студентами и общественностью возникъ по той причинѣ, что студенты учиняли драки и ночные беспорядки. Дѣло кончилось водвореніемъ виновниковъ въ тюрьму, а также исключеніемъ многихъ изъ факультета. Прочіе отдѣлались увѣщаніемъ. Ср. Л. Удварди: Исторія Ягерскаго архіеп. юридич. лицея, Ягеръ, 1898.

И во главу пошла-бы Русь святая,
Изъ ляховъ станъ сковаль-бы огневой,
Изъ чеховъ — руки, стержень боевой,
Изъ Сербіи двоножье отливая.
А меньшіе народы всѣ славянъ
Пошли-бы на броню, доспѣхи, тѣни,
И всталь-бы передъ міромъ великанъ.
Европа вся склонила-бы колѣни...
Предъ статуей до неба вышиной
Затрепеталь-бы и весь шаръ земной¹³).

Именно въ то время, какъ Добрянскій былъ тамъ въ качествѣ студента, въ славянскихъ кругахъ распространилось два памфлета, одинъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Sollen wir Magyaren werden»¹⁴), а другой на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ — «Palma, quam Dugonics similesque Magyari Slaviae eripere attentarunt, vindicata»¹⁵). Въ послѣднемъ имѣется ироническое замѣчаніе:

*Si Magyar a Slavis assumpta vacabula vero
Reddiderit, certe nesciet ille loqui.*

Революціонный духъ молодежи въ Шемицѣ характеризуетъ судьба Адольфа Давида изъ галицкаго Калуша, который 27 августа 1834 года покончилъ самоубійствомъ только потому, чтобы не попасть въ руки австрійской полиціи.

Могло-ли это воодушевленіе не отразиться на Добрянскомъ, который именно изъ за своевольной природы долженъ былъ покинуть Ягеръ, который кипѣлъ жизненной энергіей и жизненнымъ вдохновеньемъ?

Однако, говоря о Добрянскомъ, мы обычно въ его лицѣ видимъ преимущественно идеолога панславистической идеи. Въ этомъ мнѣніи имѣется доля неточности. Слѣдуетъ также отмѣтить, что и панславистическое теченіе, которое обычно приписывается Добрянскому, было иного характера, нежели то, о которомъ принято обычно говорить. Именно Русь, съ которой обычно это движеніе связывается и которой приписывается покровительство этому движенію, имѣла въ дѣйствительности къ нему самый незначительный интересъ.

Добрянскій былъ карпатороссомъ, а это въ значительной мѣрѣ опредѣлило и его дѣйствія. Конечно, Добрянскій славянство любилъ, а въ Шемицѣ, безспорно, мечталъ о славянскомъ объединеніи, однако, углубляясь въ этотъ вопросъ, онъ не могъ не понять, что панславизмъ въ цѣломъ — является простой утопіей. Учитывая это, создалъ Добрянскій свою особую идеологію, полную практическаго смысла и одновременно являющуюся олицетвореніемъ тѣхъ стремленій, которыя волновали сердца карпаторусскаго народа. Кар-

¹³) Янъ Колларъ: Дочь Славы, III, сонетъ 7, пер. Д. Н. Вергуна.

¹⁴) Печатался въ 1833 г. у І. Г. Преттнера въ Пештѣ.

¹⁵) Составилъ Георгій Рогони, евангелич. приходникъ въ Гложанѣ въ Бачкѣ, изд. Людевитъ Гай въ 1832 г.

патороссы признавались родными братьями русского народа, признавалось право культурно-национального воссоединения с Матерью-Русью. Вот те идеи, которые определили всю практическую деятельность Добрянского. Им он посвятил все свои способности, воспользовавшись при этом благоприятными условиями своего времени.

Чтобы достаточно оценить самую идею панславизма, необходимо помнить, что происхождение ее столь же старо, как и самое славянство. Попытки политического объединения славян существовали издавна, и при этом Русь именно воплощала в себе роль такого объединителя. Древнейшая попытка потерпела крах вследствие того, что часть славянства, в силу исторических событий, отвернулась от кириллицы, а вместе с тем порвала и с культурно-национальным движением, связанным с ним. Следующая попытка уже разрозненных славянских племен исходила от них самих. Одним из выдающихся деятелей этой попытки был хорватский католический священник Юрий Крижанич, родившийся в 1617 году. Он впервые дал концентрацию тех идей, которые издавна волновали души славянских народов.

Конечно, и в этом случае мечта могла осуществиться только при активном участии Руси, как составляющей державно организованное большинство славянства. Таким образом панславизм приобретал характер панрусизма, при чем сначала много панславистов с этим соглашались. Так полагал Ю. Крижанич; Юнгманн в своей автобиографической записке, составленной в 1845 году, замечает: «Я — искренний и любящий свою народность чех, но я готов и чешский язык принести в жертву всеславянству... О, если бы высокие правители примирились с этой мыслью и пожелали нам того, к чему мы призваны самою природою!».

На этой же точке зрения стоял и Людевит Гай, вождь иллиризма, который в 1853 году по причине руссофильства был обвинен и посажен в тюрьму. Словак Л. Штур в своем труде «Славянство и мир», говорит, что условием объединения является: 1) единство религиозное, — «О, возвратись к нам снова святая церковь наших отцов, подавшая нашим племенам первое благословение с высот Нитры, Велеграда и Вышеграда!», восклицает он. По мнению Штура «восточная церковь была некогда обща всем нашим племенам и есть их истинное достояние». 2) Единство литературного языка; Штур говорит: «Славяне имеют все основания обратиться к одной литературе, и к этому их обязывают общечеловеческие, исторические и политические соображения. О выбор литературы — спора быть не может: за исключением русской — все прочие ограничены только небольшими племенами, а следовательно и областями. Таким образом в вопросе о выборе языка

можно говорить только о древне-славянскомъ и русскомъ языкѣ. Но древне-славянскій уже вышелъ изъ общежитія, онъ — мертвъ, лишень гибкости и увлекательности живого языка, а мы нуждаемся въ живомъ словѣ. Итакъ, остается только русскій языкъ, единственно способный для роли языка общеславянскаго, ибо это языкъ величайшаго, единственнаго самобытнаго и на обширномъ пространствѣ земли господствующаго славянскаго племени, которому уже и безъ того принадлежитъ главенство въ нашей семьѣ».

Къ этому мнѣнію долженъ былъ присоединиться и Добрянскій, поскольку онъ является панславистомъ. Аналогично размышлялъ и Духновичъ.

Однако, не всѣ панслависты раздѣляли это мнѣніе. Колларъ явно подчеркнулъ: «отъ человѣческой слабости, суетности и самолюбія никоимъ образомъ нельзя ожидать, чтобы какая-нибудь народность пожертвовала своею самостоятельностью, какова-бы она ни была». Это и была та самая идея, которая мѣшала воплощенію паслависткой идеи.

Добровскій въ письмѣ къ Копитару отъ 1.XII. 1810. отмѣтилъ: «славянскій самодержецъ здѣсь сдѣлалъ-бы больше, чѣмъ ученое народное собраніе».

Конечно, державная Русь всѣмъ этимъ размышленіямъ давно могла-бы поставить точку и объединить славянъ еще въ эпоху Наполеона, а позже во время мадьярскаго мятежа, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ случаѣ и нѣмцы и италянцы способствовали-бы этому, желая присоединить за счетъ двуединой монархіи родственные народы къ своимъ государствамъ. Но Русь, учитывая высказанное мнѣніе относительно нежеланія народностей пожертвовать своей относительной самостоятельностью во имя общаго дѣла, шаговъ къ объединенію не предприняла. Этимъ, однако, мы не желаемъ сказать, что панславизмъ на Руси не имѣлъ достаточно своихъ сторонниковъ, ихъ было много, но правительство не сочувствовало этому движенію. По свѣдѣнію «Альгемейне Цейтунгъ», выходящемъ въ Аусбургѣ, а именно отъ 1847 года, нѣкоторые русскіе панслависты были просто арестованы. Официальная Русь отлично видѣла, что, вопреки центростремительному движенію, каждое славянское племя въ силу историческихъ причинъ имѣло свои особенности, идущія уже не отъ одинаго славянскаго корня, и только сама она хранила въ неприкосновенности свое чувство, бытъ, одежду, письмо, языкъ и религію. Видѣла она и то прискорбное явленіе, что отождествленіе религіи съ народностью у славянскихъ племенъ совершенно невозможно. Тамъ, гдѣ сойдется два славянина различныхъ вѣроисповѣданій, единыхъ по крови, языку и обычаю — уже начинается борьба. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на хорватовъ-католиковъ и сербовъ-православныхъ. Религіозное различіе проводитъ непреходимую черту между родными братьями. Ввиду этого Русь

не видѣла и того базиса, на которомъ можно было-бы начать объединительное движеніе. Конечно, она никогда не отказывала славянамъ въ частной помощи, а особенно болѣе близкимъ ей по культурѣ, а именно—сербамъ и болгарамъ. Мнѣніе русскаго офіціального представительства явно высказано въ циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія отъ 30 мая 1847 года, гдѣ говорится, что мысль западныхъ славянъ о будущемъ политическомъ сліянніи можетъ увлечь только людей съ пылкимъ воображеніемъ и не прозрѣвающихъ неминуемой опасности, въ случаѣ воплощенія сихъ мечтаній. Тамъ-же указывается, что Русь державная создавалась и распространила свои границы безъ какого либо участія славянскихъ племенъ, что взаимоотношенія съ панславистическими группами этихъ племенъ носятъ характеръ подчасъ эгоистическій и корыстный, а потому московскому университету вмѣнялось повліять «на необдуманые порывы нѣкоторыхъ изъ прежнихъ его питомцевъ, отдѣлившихъ себя отъ общихъ историческихъ мнѣній не столько по убѣжденію, сколько по легкомыслію и добродушной мечтательности. Не славнѣе-ли намъ имя русскаго, — говорилось въ циркулярѣ, — то знаменитое русское имя, которое съ основанія нашего государства повторялось и повторяется милліонами народа въ жизни общественной? Да слышится въ университетѣ имя русскаго, какъ слышится оно въ русскомъ народѣ, который, не мудрствуя лукаво, безъ воображаемаго славянства, сохранилъ вѣру отцовъ нашихъ, языкъ, обычаи, всю народность!»¹⁶⁾).

Какъ свидѣтельствуесть о томъ литература панславизма, большинство представителей этого теченія пользовалось формулой Ригера, а именно принимало гармонію частей независимо отъ различія въ религіи, и въ языкѣ. И событія 1848 года для осуществленія такой гармоніи представили и реальную возможность. Подъ вліяніемъ нѣмецкаго стремленія къ объединенію своего народа въ одномъ государствѣ и подѣ вліяніемъ мадьярскаго мятежа тронъ Габсбурговъ началъ колебаться. Казалось, что династія въ цѣляхъ сохраненія власти должна будетъ согласиться на реорганизацію монархіи въ духѣ федераціи народностей, входящихъ въ ея составъ. Приготовленіе къ тому почвы со стороны славянъ — вотъ истинное значеніе славянскаго конгресса 2 ноября 1848 года.

Естественно, что сами Габсбурги, во имя спасенія своей власти готовы были пойти на уступки. Чтобы явно показать свою готовность, была выработана по ихъ приказу конституція 4-го марта 1849 года.

Естественно, что такая ситуація не была по душѣ Добрянскому. Онъ былъ карпатороссомъ, стремился къ воз-

¹⁶⁾ См. Н. Барсуковъ: Жизнь и труды И. П. Погодина, IX. 235—37.

«соединенію съ Русью державной и потому участія въ конгрессѣ не принималъ, хотя и сочувствовалъ Палацкому и Ригеру. Еще до созыва конгресса Добрянскій былъ точно информованъ о его цѣляхъ, какъ изъ Праги, такъ и со стороны польскаго революціоннаго комитета въ Парижѣ, имѣвшаго въ Пряшевѣ филиальное отдѣленіе, во главѣ котораго стоялъ талантливый агитаторъ того времени Карлъ Крайчиръ, не разъ причинявшій затрудненія министерству полиціи¹⁷⁾). Что-же касается поляковъ въ Пряшевѣ, то ихъ сюда принудила выѣхать внутренняя распря. Въ частности съ польскими эмигрантами связано и возникновеніе пряшевской кальваріи, которая была оборудована въ 1765 году на средства кн. Карла Радзивилла. Собирались поляки прежде всего въ Шаришѣ, такъ какъ съ шарышскимъ дворянствомъ оно было знакомо уже по купелямъ въ Бардіевѣ, куда съѣзжалось всегда достаточно польскихъ дѣятелей. Въ частности въ Шибешѣ возлѣ Пряшева у графа Галлера — гостилъ предсѣдатель сейма — Островскій. Многіе изъ поляковъ такъ и не уѣхали отсюда, денаціонализировались, слились съ мадьярами; такова судьба, напр., семьи Потемкиныхъ. Естественно, что полиція строго слѣдила за эмигрантами, видя въ нихъ опасный элементъ, сѣющій идеи революціи. Въ 1841 году въ Пряшевѣ была представлена драма «Kosciusko der alte polnische Feldherr oder des Kriegers letzte Feierstunden».

Именно благодаря тѣмъ дружественнымъ отношеніямъ, которыя существовали между шарышскимъ дворянствомъ и польскими эмигрантами, удалось получить мадьярскому правительству точныя свѣдѣнія обо всемъ происшедшемъ въ славянскихъ кругахъ, а Мартину Туранскому, тайному повѣренному мадьярскаго правительства, удалось проникнуть даже на славянскій конгрессъ въ Прагѣ. Естественно, что съ тѣмъ же шарышскимъ дворянствомъ постарался связаться и Добрянскій, чему способствовали также и тѣ родственныя отношенія, которыя были у него.

Въ томъ снисходительномъ отношеніи къ славянскимъ дѣламъ 1848 года со стороны Габсбурговъ, которое неожиданно обнаружилось въ связи съ мадьярскимъ мятежомъ, фактически была только дипломатическая ловушка.

Въ эту историческую эпоху Добрянскій часто пребывалъ въ Вѣнѣ, совѣтывался съ карпатороссами, которые жили въ столицѣ, а особенно съ д-ромъ Михаиломъ Висаникомъ, деканомъ медицинскаго факультета, д-ромъ Викентіемъ Алексовичемъ, профессоромъ медицины и директоромъ больницы св. Юсифа. Обмѣнивался мнѣніемъ съ сербами, былъ въ контактѣ съ Л. Гаемъ, Штуромъ и др. Добрянскій примирился со взглядами правящей династіи, полагая, что кро-

17) Századok, 1916, 98—100 стр.

мерижская конституція является основой дальнѣйшей политики.

Ввиду этого Добрянскій, въ цѣляхъ использованія мартовской конституціи съ наибольшей пользой для карпатороссовъ, предпринялъ прежде всего акцію возсоединенія разорванной политически на двѣ части Карпатской Руси. Для этого онъ составилъ въ Пряшевѣ особый меморандумъ, снабдилъ его подписями и выѣхалъ въ Галицію, чтобы и тамъ укрѣпить свою идею. Велъ переговоры съ барономъ Яхимовичемъ, епископомъ перемышльскимъ, а черезъ него и съ выдающимися представителями галицкой рады, затѣмъ съ Голуховскимъ, вождемъ поляковъ, главнымъ образомъ обсуждая вопросъ о раздѣлѣ Галича на русскую и польскую части. Результатъ этихъ переговоровъ былъ весьма утѣшителенъ и, конечно, планъ Добрянскаго удался бы вполне, если бы кромержская конституція не была дипломатическимъ обманомъ.

Галицкая рада съ радостью приняла планъ Добрянскаго, да и поляки согласились безъ колебаній, имѣя ввиду двухсоттысячную русскую армію, стоящую на границѣ и готовую по первому приказу перейти въ наступленіе. Изъ Галича Добрянскій отправился въ Вѣну съ докладомъ императору, который, разумѣется, внѣшне принялъ его любезно, втайнѣ питая совершенно другія чувства. Францъ Іосифъ назначилъ Добрянскаго комиссаромъ при русской арміи подъ общимъ вѣдомствомъ Франциска Зичи; армія шла впередъ на помощь австрійскому императору. Добрянскій отправился прежде всего въ корпусъ генерала Рудигера и ревностно принялся за исполненіе своей должности, совершенно не подозревая, что творится въ тылу. Конечно, какъ только истинное лицо австрійской политики обнаружилось и императоръ Николай 1-й сдѣлался жертвой обмана, кончилась и дѣятельность Добрянскаго, связанная съ его комиссарской должностью. Сатисфакцію въ нѣкоторомъ смыслѣ получилъ только графъ Паскевичъ, который вообще считалъ славянофиловъ, и тѣмъ болѣе панславистовъ, за явныхъ бунтовщиков¹⁸⁾.

Правда, все это событіе не прекратило на Руси плановъ ревиндикаціи, однако, пора ихъ осуществленія, съ одной стороны, отдалилась на неизвѣстный срокъ, а, съ другой — было ясно, что и Габсбурги не будутъ сидѣть сложа руки и постараются принять всѣ мѣры къ тому, чтобы все русское, что было подъ ихъ властью, истребить до конца. Этимъ самымъ и все русское было поставлено передъ роковымъ вопросомъ: быть или не быть? Если быть, то куда и за кѣмъ идти? Что дѣлать и какъ дѣлать, чтобы сохранить свое національное лицо?

¹⁸⁾ Ср. Дневникъ А. О. Смирновой, запись 12 марта 1845 г., напечатанный въ вышеуказанной книгѣ Барсукова, VIII, 425 стр.

Хотя вся сущность вопроса и вращалась вокруг политики, однако, къ счастью, для спасенія были налицо и культурныя средства. Прежде всего требовалось Родину, которая до сихъ поръ жила мечтами и надеждами, сдѣлать способной противустоять національному уничтоженію. Вѣдѣ тамъ, гдѣ существуетъ культурное единство, национальной жизни не можетъ ставить препятствій територіальное разъединеніе.

Добрянскій, хотя и понялъ эти ситуацію, но прежде всего онъ былъ политикомъ, принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ личностямъ, характеръ которыхъ твердъ какъ скала, которые полагаются, не колеблясь, на личное чутье правды, у которыхъ въ душѣ есть столько-же прямолинейной рѣшительности, сколько и героизма. Потому онъ и окончилъ жизнь въ изгнаніи. Однако, ситуація, сложившаяся къ концу 1849 года требовала не одной только политической интуиціи, и вообще даже не политики, а культурнаго зрѣнія, способнаго на черную работу учета мелкихъ данныхъ жизни.

Чтобы учесть и понять страну съ национальной точки зрѣнія, опредѣлить ея возможности и реализовать ихъ, нуженъ былъ человекъ, стоящій выше узкихъ и личныхъ стремленій, эгоистическихъ пристрастій и чувствъ, человекъ съ широкимъ размахомъ ума, смотрящій на свою работу съ высшей, общечеловѣческой точки зрѣнія, не теоретикъ, но способный конкретно понять въ чемъ есть нужда, какое наиболее подходящее средство къ успѣху, что можно предпринять; человекъ ловкій, предусмотрительный и стойкій, который не потеряетъ охоту къ дѣйствованію при первомъ-же препятствіи, не устрасится угрозъ и преслѣдованій, а ко всему — человекъ любящій умомъ и сердцемъ свой народъ и свои преданія, стремящійся не только къ успѣху, но и къ тому, чтобы этотъ успѣхъ соотвѣтствовалъ русскому духу, русскому обычаю. Человекъ заботящійся не только о томъ, чтобы карпатороссъ развился духовно, поднялся матеріально, но и остался при всемъ этомъ русскимъ человекомъ.

Вотъ, приблизительно образъ человека, котораго ждалъ народъ, чуя грозящую ему опасность.

Рисуя образъ этого народнаго героя, мы тѣмъ самымъ давали точную характеристику Александра Васильевича Духновича.

Конечно, окончивъ свою политическую карьеру, Добрянскій не ушелъ отъ работы на пользу карпаторусскаго національнаго возрожденія, однако, здѣсь онъ былъ уже лицомъ почетнымъ, но не центромъ. Теперь въ центрѣ оказался Духновичъ¹⁹⁾.

¹⁹⁾ Слѣдуетъ подчеркнуть, что Духновичъ и Добрянскій были двоюродными братьями второй степени. Дѣдъ Добрянскаго былъ братомъ бабушкѣ Духновича, по матери рожд. Іуліаніи Добрянской.

При колоссальности той задачи, которая выпала на долю Духновича, конечно, нельзя было и ожидать, чтобы онъ выполнилъ все то, что рождалось въ его душѣ столь плодотворной и трудолюбивой. Во многихъ случаяхъ Духновичъ далъ только планъ, направленіе для дѣятельности, но физическихъ силъ не хватило бы въ человѣческой природѣ для реализаціи всего, что Духновичъ замыслилъ, если принять во вниманіе его соціальное положеніе и ту обстановку, въ которой онъ принужденъ былъ работать.

Впрочемъ, не всегда сущность дара человѣческаго заключается въ количествѣ и даже въ качествѣ его работы и замысловъ. Иногда этотъ даръ слѣдуетъ учитывать тѣмъ побуждающимъ и ободряющимъ вліяніемъ, которое личность оказываетъ на массы.

Необходимо вначалѣ подчеркнуть, что тайна обаянія Духновича заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что онъ былъ поэтомъ Божьей милостью. А мысль его была особенно плѣнительна тѣмъ, что она являлась отраженіемъ тѣхъ идеаловъ, которые волновали души карпаторусскихъ массъ, страдающихъ отъ гнета и насилія.

Что вѣкъ породившій Духновича признавалъ его значеніе и цѣнилъ его, видно уже изъ того романтическаго ореола, которымъ окружена его личность. Павловичъ, его талантливый современникъ, отдавая поклонъ своему учителю, выражалъ только общее мнѣніе:

«Отъ Попрада ажъ до Тисы,
Подъ Бескидомъ горы, лѣсы,
Духновича поминають,
Ему здравія желаютъ.

.
Гдѣ такъ крѣпка духа сила
Переминетъ недугъ тѣла,
Богъ не дастъ такимъ умерти,
Что народъ спасли отъ смерти.

.
Вождь народа знаменитый,
Не одинъ вѣкъ будетъ жити,
Земли нашей мужъ великій,
Поживешь въ сердцахъ ей въ вѣки.

Полная біографія знаменитаго поэта еще ждетъ своего составителя, но эти немногіе стихи могутъ состязаться по своему значенію съ самыми пространными очерками. Они откровенны и выразительны. Они обрисовываютъ не только личность поэта, но вмѣстѣ съ тѣмъ и точно опредѣляютъ его роль въ русскомъ національномъ движеніи на Подкарпатьи. Духновичъ былъ не только будителемъ и писателемъ, но и вождемъ, онъ вырвалъ свой народъ изъ гибели и, какъ второй Моисей, показалъ ему путь къ возрожденію, далъ къ

тому примѣръ и средства, нашелъ способъ противостоять гибельной тенденціи извнѣ и дожидаться исполненія временъ.

II.

Въ настоящее время нѣкоторые круги пытаются представить Духновича отцомъ нѣкоего «русинскаго» сепаратизма.

Едва-ли можно представить, чтобы человекъ, который всю свою жизнь подчеркивалъ, что онъ является потомкомъ рода князей Черкасскихъ, москвичей по происхожденію, могъ на практикѣ работать противъ русскости! Кромѣ того бросается въ глаза и тотъ фактъ, что еще до войны литературная критика сепаратистовъ не желала Духновича признать за своего и всячески пыталась доказать его ложный путь и даже бездарность.

Если-бы Духновичъ былъ сепаратистомъ, тогда и весь кругъ дѣйствовавшей заодно съ нимъ долженъ былъ-бы носить сепаратистическій характеръ, тогда-бы и вся пряшевская епархія, гдѣ родился, жилъ и дѣйствовалъ Духновичъ, должна-бы быть отнесена къ сепаратистическому лагерю. Однако всѣ эти предположительныя заключенія настолько явно противорѣчатъ дѣйствительности, что каждый внимательный изслѣдователь долженъ ихъ рѣшительно отвергнуть. Именно на Пряшевской Руси держалось и держится особенно интенсивно сознание національнаго русскаго единства, и сепаратистическая пропаганда здѣсь не имѣла и не имѣетъ равно никакого успѣха.

Духновичъ былъ первымъ, провозгласившимъ:

Я русинъ былъ, есмь и буду,
Я родился русиномъ...

Въ настоящее время уже всѣмъ достаточно извѣстно, что русскіе, живущіе въ Карпатахъ, являются здѣсь не пришельцами, но автохтонами. Эта территорія является естественнымъ продолженіемъ великой сарматской равнины не только съ точки зрѣнія этнографической, но и исторической. Правда, несмотря на то, что преданія всегда утверждали этотъ фактъ, однако исторіографія, подъ чужими вліянiami, особливо-же подъ давленіемъ мадьярской псевдо-научной литературы, привела бы къ тому, что и наше старое мнѣніе поколебалось и допустило версію, что русскіе сюда пришли во времена болѣе позднія и не сразу, а постепенно просачивались изъ Россіи. Такъ полагали Орлай, Венелинъ и Лучкай. Это мнѣніе находило сторонниковъ и на Руси державной, достаточно указать на Погодина, Срезневскаго, Кеппена и др. Если дѣло обстояло такимъ образомъ, если поселенцы пришли изъ Россіи, то въ такомъ случаѣ слово «русинъ» обо-

значаетъ ни что иное, какъ — сынъ Руси, какъ сербинъ — сынъ Сербіи.

Духновичъ, воспользовавшись этимъ именемъ — русинъ —, сдѣлалъ это не въ силу какой-либо сепаратистической тенденціи, но именно вопреки ей, для укрѣпленія, а не разоренія племенного единства. Да, онъ былъ русиномъ, но не въ смыслѣ искусственной трактовки нѣкоторыхъ круговъ, но въ точномъ значеніи этимологии этого слова, онъ называлъ себя съ гордостью русиномъ, т. е. сыномъ Руси. Именно потому онъ въ этомъ-же стихотвореніи такъ настойчиво подчеркиваетъ свою русскость, а не то искусственное «русинство», которое желаютъ видѣть нѣкоторые круги.

Я свѣтъ узрѣлъ подъ Бескидомъ,
Первый русскій воздухъ ссалъ,
Я кормился русскимъ хлѣбомъ
Русинъ мене колысалъ.

Коль первый разъ ротъ отворилъ,
Русское слово прорекъ

Русскимъ потомъ я питанъ былъ,
Русскимъ ишелъ расходомъ

И теперъ, кто питаетъ мя?
Кто кормить, кто мя держить?
Самое русское племя
Гордость мою содержитъ!
Прото тебѣ, роде мой,
Кленуся живымъ Богомъ,
За печальный потъ и трудъ твой
Повинуюся долгомъ.

Это-же подтверждаетъ и идеологія всего его поэтического творчества.

Кромѣ того слѣдуетъ вспомнить, что первымъ стихотворнымъ опытомъ Духновича, извѣстнымъ намъ, была ода «на триумфъ Николая, царя Россіи, егда турковъ воевалъ», а затѣмъ слѣдуетъ сатира — «на взятіе Варны 12-го октября 1827 года».

Съ эстетической точки зрѣнія, конечно, эти стихотворенія не играютъ особо важной роли, однако это ничуть не умаляетъ ихъ національно-исторического достоинства, открывающаго внутренній взглядъ поэта. Въ одѣ онъ прославляетъ храбрость русскаго войска, съ двухъ сторонъ атаковавшаго турокъ подъ предводительствомъ графа Паскевича, взявшаго Эрзерумъ и прилегающія къ нему территоріи, а съ другой стороны, подъ командой Дибича занявшаго Измаиль, Ибрагимъ и т. д. Духновичъ восторженно восклицаетъ :

Луна гордится, оружи ся смѣло
Россе; мечъ гордый потупи всеславне,
Дастъ побитый турокъ тебѣ злато, серебро...

Въ царевомъ градѣ, гдѣ будешь спѣвати,
Я буду щедрымъ помагати славомъ:
Слава въ вышнихъ!

Въ сатирѣ красной нитью проходитъ мысль, что никто не можетъ противустать бѣлому царю. Указывая на Варну, которая изо всѣхъ силъ защищалась турками, Духновичъ примѣчаетъ:

Силнась была, что ты холмы,
Что ты тщиты дужія,
Защищали скалы, воды,
Что ты мыли морныя,
Но Воронцовъ показалъ ти,
Что не можъ тамъ защищати,
Гдѣ суть руки русскія.

Съ этимъ стойкимъ русскимъ чувствомъ встрѣтимся въ его поэзи и позже.

Въ 1838 году въ отвѣтъ Іосифу Левицкому, священнику перемышльской епархіи, который прислалъ ему свои стихи, изданныя въ честь епископа Іоанна Сницурскаго, Духновичъ пишетъ:

Твоя Русалки на Неву
Провадь, и на Волгу сиву.

Въ «Поздравленіи русиновъ» 1850 года, отмѣчая необходимость славянской солидарности, поэтъ въ концѣ говоритъ:

Хоть разными голосами
Кличиме ся любезно,
О, мы порозумѣмся
Честно и полезно,
Бо Мати наша едная,
Хоть она на Невѣ
Престолъ себѣ устроила
На зимномъ сѣверѣ.

Въ альманахѣ 1851 года напечатано его стихотвореніе «Сирота въ заточеніи», которое явно родилось подъ впечатлѣніемъ того обмана, жертвой котораго пала Русь вслѣдствіе австрославизма, обрекшаго карпатороссовъ новому ярму. О Руси сказаны тамъ слова:

Одну тебе весь желаю,
Тебе въ мысли и дусѣ,
Тебе въ зеркалѣ чистыхъ водъ
Вижу и на воздухѣ.

Онъ глубоко сожалѣетъ, что поминать Русь ему придется только въ мысляхъ, только издадека:

Бо, о горе! между нами
Есть велика широта,
И, хотяй мамушку маю,
Однако-жъ я сирота!

Если-бы Духновичъ сочувствовалъ тому сепаратистическому движенію, сѣмена котораго обильно сѣялъ въ Галичѣ графъ Голуховскій, — и изъ этихъ сѣмянъ выросталъ украинизмъ, — едва-ли бы онъ привѣтствовалъ Григорія Яхимовича, епископа перемышльскаго, вождя галицко-русскаго возрожденія, при его возведеніи въ санъ митрополита, и привѣтствовалъ столь не двусмысленными словами:

Русь едина, мысль одна у всѣхъ въ душѣ,
То и пастыря, что для всѣхъ тамъ есть отцомъ
Помнить, что мы также Русь жиемъ!

Во всемъ творествѣ Духновича и слѣда нѣтъ сепаратистической тенденціи, зато всюду мы находимъ подчеркиваемое понятіе единства національной Руси.

О томъ же говоритъ и переписка поэта и его журналистическая дѣятельность.

Когда въ Галичѣ началось сепаратистическое движеніе, Головацкій, увѣдомляя о томъ Духновича, заключаетъ свое письмо просьбой:

«Молитесь о грядущихъ на брань, ибо готовится ужасный бой на жизнь и смерть. Можетъ быть падеть въ бою первый и послѣдній профессоръ Головацкій, то помолитесь о душѣ его, но останется въ живыхъ съ честію непоколебимъ, братъ вашъ Яковъ Федоровичъ!».

Къ этому заключенію Духновичъ приписалъ: «Аще и одолѣютъ и паки побѣждены будутъ, яко съ нами Богъ! Мы ничего не имѣемъ собственнаго, кромѣ чести. Отступить отъ нее, есть перестать быть человекомъ!...».

Вскорѣ послѣ этого Духновичъ написалъ въ Галичѣ слѣдующее письмо:

«О друзья, братья! Почему враждуете вы на безпорочную, правильнаго нрава сродницу, и не сродницу токмо, и матушку нашу? Почему перехватываете отъ нея превосходительства и поставяете на ея мѣсто безправную простую служанку, безазбучную, валяющуюся по корчмамъ и по вольнымъ домамъ?»*).

Несмотря на усилія сепаратистовъ, уже въ основѣ своей они были обречены на крахъ. Успѣхъ идеологіи возможенъ лишь тамъ, гдѣ души вождей и народа имѣютъ нѣкую еди-

²⁰⁾ Изъ семейной библиотеки Я. Головацкаго за 1856-й годъ, Львовъ, стр. 68.

ную базу, основанную на преданіяхъ, гдѣ вожди народа призываютъ, къ тому, что дремлетъ въ глубинѣ массы, что является ея исконнымъ желаніемъ. Безъ этой гармоніи душъ, всякое усиліе чуждыхъ идеологовъ совершенно напрасно, такъ какъ они лишены довѣрія массы, а масса сторонится ихъ, жонглируетъ понятіями, представляющихъ событія и факты, дающихъ имъ освѣщеніе по своему личному желанію. Именно потому Духновичъ и плѣнилъ массу, что высказалъ ея завѣтныя надежды, не лукавя и не покупая народной души красивыми фразами. Масса видѣла, что слово Духновича не расходится съ дѣломъ и безгранично чтитъ его и довѣряла ему. Впрочемъ, это довѣріе и уваженіе къ личности нашего національнаго поэта мы можемъ наблюдать и въ настоящее время.

Правда, слогъ Духновича далекъ отъ совершенства поэтическаго языка русскаго въ его современности, отъ языка пушкинской эпохи, но все-же у него имѣется не діалектъ, но русскій языкъ. Тѣмъ-же, кто отрицаетъ у Духновича наличіе русскаго языка, который предопредѣлилъ нашъ дальнѣйшій литературный путь, мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать:

Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла Вы мертвы давно.
Суждены намъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано!

Языкъ у каждаго народа только одинъ. Одинъ у нѣмцевъ, одинъ у французовъ, у англичанъ, итальянцевъ и т. д. Языкъ, какъ средство культурнаго общенія народа, нельзя смѣшивать съ языкомъ разговорнымъ, который имѣетъ діалектическія особенности. Русскій языкъ занимаетъ исполинское пространство, а потому и не удивительно, что онъ имѣетъ нарѣчія, поднарѣчія и діалекты. Кромѣ пространственнаго колосса тому-же содѣйствовали и многія другія причины историческаго порядка и та ксеноманія, которая всегда была присуща русскимъ людямъ. Однако всѣ языковыя дѣленія, всѣ эти карпаторусскія²¹⁾, галицко-русскія, южно-русскія и проч. говоры могутъ рассматриваться только какъ родственно-близкія части единой органически живущей субстанции — русскаго языка.

Чтобы живыя нарѣчія и говоры могли притти къ однообразію, необходимы для нихъ общія правила. Эти правила даетъ грамматика литературнаго языка, являющаяся одно-

²¹⁾ Карпаторусскіе говоры причисляются вообще къ южно-русскому нарѣчію, называемому малорусскимъ языкомъ. Однако, въ нихъ есть и много особенностей, которыми они отличаются отъ малорусскаго и приближаются къ великорусскому нарѣчію.

временно и показателемъ степени культурнаго развитія и ключемъ къ обще-національному литературному творчеству.

Законодателемъ русскаго языка былъ Ломоносовъ. До него въ этомъ отношеніи авторитетомъ былъ церковно-славянскій языкъ. Со временемъ жизнь настолько измѣнила свои обычныя понятія, что церковно-славянскій языкъ оказался недостаточнымъ, и потребовалось много труда, чтобы положить основу новаго русскаго литературнаго языка. Слѣдуетъ однако помнить, что живое слово не терпитъ на себѣ путь, придуманныхъ искусственными грамматистами, но не вытекающихъ изъ органической жизни языка. Поэтому и церковно-славянскій языкъ не могъ сохраниться въ дѣвственной чистотѣ, несмотря на стремленія къ тому со стороны церковныхъ круговъ. На него налагали отпечатокъ живые мѣстные говоры. Въ результатъ и на Руси начался въ литературной сферѣ языковъ хаосъ, который не давалъ никакихъ надеждъ на благополучное разрѣшеніе вопроса. Фактически это былъ уже не церковно-славянскій языкъ, а самая беспорядочная смѣсь разнородныхъ и не всегда грамматически оправдываемыхъ элементовъ. Петръ Великій, своимъ гениемъ реформировавшій всѣ стороны русской жизни, конечно не могъ оставить безъ вниманія дѣло о литературномъ языкѣ. Онъ реформировалъ шрифтъ, но грамматику русскаго литературнаго языка впервые создалъ Ломоносовъ. Что Ломоносовъ при созданіи своей грамматики и правилъ стилей былъ на правильномъ пути, это доказывается всѣмъ развитіемъ русской литературы: оно блестяще не только въ національномъ, но и въ міровомъ значеніи.

Карпаторусская вѣтвь русскаго народа является самой западной окраиной русскаго расселенія, а историческія событія привели къ тому, что нашъ карпаторусскій народъ надолго былъ оторванъ отъ общаго русскаго развитія. Этому мѣшала злая судьба, и не будь ея, не потребовался-бы намъ талантъ и трудолюбіе А. Духновича. Чрезвычайныя способности одного или нѣсколькихъ лицъ не могутъ ускорить ходъ естественныхъ событій, однако, въ ихъ силахъ дать ему желательное направленіе. Духновичъ обладалъ достаточно сильной волей, чтобы предуказать путь, но не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ одинъ, а противъ него настроены были всѣ официальные круги государства, стремившіеся къ корнѣ убить русскую жизнь. То, что карпатороссы при столь отрицательномъ отношеніи государственнаго аппарата, предоставленные сами себѣ, сохранили чувство племеннаго единства съ русскимъ народомъ — это уже само по себѣ является героизмомъ, не считаясь съ тѣмъ, говорятъ ли уже карпатороссы языкомъ Пушкина или только стремятся въ будущемъ приблизиться къ нему, правильно ли ставятъ удареніе на словахъ, или же впадаютъ въ ошибку.

Для того, чтобы точно представить себѣ ту языковую обстановку, въ которой Духновичу пришлось начинать свое дѣло, вѣрнѣе всего сравнить ее съ тѣмъ временемъ въ Россіи, когда начиналъ свою реформу Ломоносовъ. И у насъ еще была видимость авторитета церковно-славянскаго языка, однако онъ на дѣлѣ настолько былъ засоренъ самыми разнородными вліяніями, какъ діалектическими, такъ и иноязычными, что обратился въ механическую смѣсь. Въ богословской школѣ въ Ужгородѣ, гдѣ учителямъ приходилось, подѣ вліяніемъ принятія уніи, пользоваться въ массѣ латинскими текстами, а слѣдовательно, чтобы ученикамъ преподавать знанія, имъ приходилось быть одновременно и переводчиками. Латинско-русскаго словаря въ ихъ распоряженіи не было, вотъ и начали они дѣлать переводы латинскихъ словъ по благоусмотрѣнію, считая свой переводъ — русскимъ. Такъ, напр., преподаватель Брадачъ, сдѣлавшійся впоследствии епископомъ, переводилъ: *circulus* — коло, а *circularius* — колесникъ и т. д.²²⁾

Естественно, вслѣдствіе этого языковой хаосъ только увеличился, а грамматику этого хаотическаго жаргона и указалъ Михаилъ Лучкай въ сочиненіи — „*Grammatica Slavico-Ruthena*“. Въ 1833 году появилась грамматика Іоанна Фогарашія подѣ заглавіемъ «Русско-угорская грамматика»²³⁾.

²²⁾ Дулишковичъ: Историческія черты угро-русскихъ, III. 229.

²³⁾ Іоаннъ Фогарашій былъ вице-ректоромъ ужгородской семинаріи, затѣмъ въ 1814 г. былъ назначенъ сотрудникомъ при храмѣ св. Варвары въ Вѣнѣ, гдѣ въ 1819 году принялъ мѣсто приходскаго священника. Скончался 11 декабря 1834 года. Кромѣ грамматики онъ издалъ и «Молитвословъ», который печатался въ университетской типографіи въ Пештѣ, «Изъясненіе на Божественну литургію» и «*Ordo et formatio linguae Ugoricae, Ungaricae rectius magyaricae lictae Historice, Philo — et Ethimologice deducta, Viennae, Anno 1833, typis Congregationis Mechitaristicae*». Ср. П. Полянскій: «Церковь и приходъ св. Варвары въ Вѣдні» Львовъ, 1891, стр. 74, Jelenkor, Pest, отъ 11 декабря 1833 года. Онъ горячо любилъ и русскость и нашъ церковный обрядъ. Карлъ Людвигъ, испанскій инфантъ приказалъ въ 1830 году простроить въ Луккѣ (Италія), въ своемъ имѣніи, дерев. церковь, нарочито предназначенную для славянскаго богослуженія, и, посредствомъ Фогарашія просилъ Мукачевскаго епископа о присылкѣ двухъ священниковъ, пѣвцовъ, церковныхъ одѣяній и книгъ. Какъ условіе поставилъ, чтобы священники совершали богослуженіе съ особой точностью, по славянскому ритуалу. Епископъ выслалъ сначала инока монастыря св. Василия — Штронецкаго, а также діакона и пѣвчихъ. По этому поводу Фогарашій въ приходскихъ запискахъ св. Варвары замѣтилъ: *Evocati autem erant ideo ex dicta Diocesi Basilitae et centores, quia ibi Basilitae magis regulae ordinis et ritus adstricti, adeoque etiam barbati reperiantur, quam alibi, uti ponamus in Galicia et Polonia, ubi ordo et ritus neque graecus, neque latinus observatur, sed confusio similis Babilonicae usu veniat*. Ср. Полянскій, стр. 66.

Въ предисловіи грамматики Лучкая проводятся панславистическіе взгляды: «какимъ колоссомъ сдѣлался-бы старославянскій языкъ, если - бы онъ остался литературнымъ. Французскій, итальянскій и особенно нѣмецкій литературные языки не сходны съ народными языками, а между тѣмъ никому и въ умъ не приходитъ предпочитать простонародныя формы и выраженія литературнымъ. Одни славяне ревностно заботились и заботятся о томъ, чтобы литературный языкъ сблизить съ народнымъ, полагая, что такимъ образомъ легче будетъ изучать и усвоить его». Однако, и на практикѣ Лучкай примѣнилъ высказанные имъ взгляды, такъ какъ онъ отрицалъ грамматику того жаргона, которымъ пользовалась мѣстная интеллигенція. Объ этомъ памятникъ въ своихъ замѣткахъ Духновичъ оставилъ слѣдующее мнѣніе:»*Lex prima ulcisci, lex altera vivere rapto, tertia mentiri, quarta negare Deos*«.

Духновичъ на Подкарпатской Руси былъ первымъ, кто ослабилъ авторитетъ церковно-славянскаго языка, замѣнивъ его русскимъ литературнымъ. Однако, чтобы эту реформу восприняла и масса, необходимо было время, какъ для національно-будительской работы вообще, такъ и для отпора тому вліянію политическаго характера, которое получало все большее значеніе въ средѣ карпаторусской интеллигенціи и было связано съ языкомъ мадьярскимъ. Чтобы преодолѣть всѣ эти трудности, чтобы замѣнить мертвый церковно-славянскій языкъ, вѣрнѣе ту мѣшанину, которая въ то время носила названіе церковно-славянскаго языка, весьма умно и тактично обратился всецѣло къ народному діалекту, очищая его отъ элементовъ наносныхъ и стремясь постепенно возвысить его и приблизить къ общему русскому литературному языку. Если-бы онъ началъ свою культурную и будительскую работу слогомъ самого Пушкина, онъ ничего-бы въ то время не добился. Напротивъ, очищенный народный діалектъ, приближающійся только къ литературному языку, не только плѣнилъ массу, но и вывелъ ее изъ тьмы полного невѣжества, приобщивъ къ первымъ элементамъ просвѣщенія.

Закончивъ свою будительскую работу, какъ подготовительную для воспріятія и культивированія русскаго языка, онъ логично и послѣдовательно написалъ для карпаторусской общечественности «Сокращенную грамматику письменнаго русскаго языка», которая и вышла въ Будапештѣ въ 1853 году.

Относительно этой грамматики составилось мнѣніе, что она не является плодомъ творчества Духновича, но написана «подъ редакціей» И. Раковскаго и В. Войтковскаго, православнаго священника въ Угѣмѣ. Грамматика Духновича, по этому мнѣнію, должна быть грамматикой мѣстнаго нарѣчія, а грамматика, которая появилась въ 1853 году — это грам-

матика «москальская» или въ лучшемъ случаѣ — «великорусскаго языка». Раковскій и Войтковскій «измѣнили» интенціямъ Духновича, Духновичъ грамматикой былъ недоволенъ и даже сердился*).

Все это мнѣніе — не только умышленная, но и злоумышленная тенденція, противорѣчащая не только идеологіи Духновича, но и многимъ фактамъ нашей культурной жизни. Грамматики мѣстнаго діалекта давно были къ распоряженію общественности, а именно грамматики Лучкая и Фогарашія. Потому совсѣмъ не нужно было изданіе подобнаго труда. Однако, Духновичъ счелъ необходимымъ издать свою грамматику, ибо цѣлью его дѣятельности являлось не узаконеніе мѣстнаго жаргона, но борьба съ его языковымъ, словарнымъ и грамматическимъ хаосомъ и ограниченностью въ практическомъ отношеніи. Потому Духновичъ и былъ будителемъ, что онъ своей языковой реформой открылъ нашему народу живой источникъ русской культуры, который не разъ освѣждалъ насъ въ минуты горячей борьбы и душнаго безсилья.

Зная это, конечно, и въ голову не придетъ самая возможность гнѣва и негодованія со стороны Духновича на Раковскаго. Никакихъ фактическихъ данныхъ къ оправданію этого негодованія нѣтъ, а если сказка о немъ и возникла, то, конечно, со стороны тѣхъ, кому русскій успѣхъ Духновича былъ бѣльмомъ въ глазу и у кого имѣлась богатая практика къ беззастѣнчивому отношенію къ исторической правдѣ: если Владиміръ Святой оказался «украинцемъ», то почему бы Духновича не передѣлать въ «народовца»?

Раковскій былъ ученикомъ Духновича. Въ 1855 году, т. е. уже послѣ появленія грамматики онъ пріѣхалъ даже въ Пряшевъ, чтобы привѣтствовать своего наставника. По по-

*) Ср. В. Терлецкій: «Угорская Русь и возрожденіе сознанія народности между русскими въ Венгріи», Кіевъ, 1874, стр. 27; А. Волошинъ: «О письменномъ языкѣ подкарпатскихъ русиновъ», Ужгородъ, 1921, стр. 24; Франтишекъ Тихій: «Поэзіи А. Духновича», Ужгородъ, 1922, стр. 14. Послѣдній даже подчеркиваетъ: «констатируемъ, что Духнович не писав и анѣ не знав писати по великорусски». Абсурдъ одного только этого предложенія съ точки зрѣнія научной очевиденъ. Во первыхъ, между «великорусскимъ» нарѣчіемъ и русскимъ литературнымъ языкомъ дистанція огромнаго размѣра, а, во вторыхъ, если Духновичъ и не зналъ въ совершенствѣ русскаго литературнаго языка, то это не преуменьшаетъ его стремленія къ изученію его. Вѣдь нѣкогда и чехи не умѣли писать по чешски, а пользовались нѣмецкимъ языкомъ, однако это не преуменьшаетъ заслугъ тѣхъ, кто не совсѣмъ грамотно, но все-же защищалъ и право и красоту своего роднаго языка («Защиты чешскаго языка»). Наконецъ, Духновичъ, какъ мы уже еказали и не стремился предлагать народу языкъ Пушкина или Державина, но далъ ему путь къ пониманію его и приближенію къ нему..

воду этой встрѣчи Раковскій написалъ въ альбомъ Духновича слѣдующія строки:

«Ни брeнная рука, ни слабое мое перо не могутъ выразить чувствъ, одушевляющихъ сердце мое, желающее симъ почеркомъ изъяснить своему первому наставнику въ русскомъ языкѣ, т. е. собственнику сего альбома, долгъ благодарности и глубокаго почтенія.

Пряшевъ, 26 іюля 1855.

Иванъ Раковскій»*).

Духновичъ въ свою очередь, когда начались гоненія на Раковского, записалъ о немъ слѣдующее:

«Иванъ Раковскій родился въ ужгородскомъ комитатѣ, въ селѣ Ставномъ, отъ Ивана нотарія окружнаго, послѣ-же постъ экспедитора ужгородскаго.

Я его позналъ, какъ дорогаго мальчика, ибо я его учителемъ (катехитомъ) былъ. Вступивъ до священническаго сана, онъ по окончаніи с. Богословія, 1838 г. былъ писаремъ епархіальнымъ подъ моимъ руководствомъ въ Ужгородѣ, и тамъ такъ порядочно и усиленно робилъ, что я, какъ нотарій, и важнѣйшія дѣла повѣрить не сомнѣвался. Произведенъ 1839 года (безбраченъ) въ іерейство и въ семенищѣ дѣйствовавъ, вышелъ на парафію до Рыдницы, гдѣ, какъ народолобецъ, упражнялся русскою литературою. 1850 года посланъ до Будина за переводчика законовъ русскаго, гдѣ издавалъ разомъ и церковную часопись: «Церковная газета».

Но, понеже онъ въ своемъ журналѣ употреблялъ литературный русскій языкъ и грамматику, нѣмцами (россійское слово ненавидящими и истребить совсѣмъ желающими) напоянуть, наконецъ оклеветанъ былъ, и журналъ его законно запрещенъ: — такъ онъ 1859 года повернулъ до епархіи и епископомъ наданъ на парафію Иза. Но видя себя пренаслѣдованнымъ, онъ поспѣшилъ въ Вѣну и у посольства россійскаго выробилъ себѣ, что принять былъ ц. россійскимъ правительствомъ въ ректора семинаріи холмянской. Онъ отъѣхалъ до Холми (Chelm), но тамъ епископомъ на назначенное становище не припущенъ, пока отъ апостольскаго нунція вѣнскаго не принесеть позволенія. Онъ сновъ прибылъ въ Вѣну и просилъ рекомендацію, но нунцій (по совѣту враговъ нашихъ) отдалить его желая, пряшовскому епискому слѣдующій написалъ листъ:

N 1983/1.

Illustrissime et Reverendissime Domine!

Quidam sacerdos, Ioannes Rakovszky Chelmam in Poloniae Regno perrexerat, ut eat mandato Caesarei Russici regiminis Semi-

*) Ср. Записки Духновича въ пряшевской епископской библиотекѣ № 6-с.

nario Dioecesano clericorum praeficeretur. Id venit Ill-mus et Rm-us Administratur Apostolicus praedictae Dioecesis; et iure quidem meritoque. Juxta etenim sacro sanctos Ecclesiae canones solius Episcopi est Seminarium clericorum regere, superiores eligere a cuncta praescribere, quae hujusmodi mera Ecclesiastica instituta respiciunt.

Nunc vero praedictus Sacerdos ex Poloniae Regno redux, iter arripuit Hungariam versus eum in finem, ut a proprio Episcopo litteras testimoniales de vita et moribus exquireret. Cum ipse ad Munkacsiensem, uti reor, Dioecesim pertineat, rogo Dominationem Vestram Illmam et Rmam, ut proprio Sacerdotis Episcopo persuadeat ejusdem postulationi non obsecundare.

Gravissimae rationes in animum mihi inducunt sententiam, nunquam tali sacerdoti regimen Seminarii Clericorum neque in Chelmiae, neque in quavis alia Dioecesi esse committendum. Responsum qua citius poterit huic meae Epistolae det queso Dominatio Vestra Illma et Rma, ut animus meus de hac re quam maxime sollicitus quiescere valeat. Cum peculiari observantia permaneo Dominationis Vestrae Illustrissime et Reverendissime.

Viennae die 17-ma Januarii 1861

addictissimus famulus

† Antonius A-Episcopus. Tarsensis,
Nuntius Aplicus.

Отвѣтъ Епископа Пряшевскаго въ дѣлѣ Ивана Раковскаго нунцію апостольскому :

»Excellentissime ac Reverendissime Domine,
Domine Archi — Episcope a Nuntie Apostolice,
Domine gratiosissime!

Gratiosio Excellentiae Vestrae dato 17-ma m. et. a. c. nro 1983 ad me dimissis litteris provocor: ut S'umo D. Episcopo Munkacsieni si persvaderem, ne votis Presbyteri ante hac sui Ioannis Rakovszky sua ex parte obsecundare velit. Non ecquidem sufficientior nota mihi sunt, in quibus fatus Presbyter Ioannes Rakovszky versatur, adjuncta, in unice constat: fatum presbyterum Dioecesis Munkacsienensis novis temporibus ad latus Excelsi Caesareo Regii Locumtenentialis consilii Hungarici in qualitate versoris ruthenici Budae applicitum fuisse, neque ad notorietatem meam de eo malam unquam prodivisse famam, ut adeo nullum mihi adsit fundamentum, quo ego, sine compromissione characteris mei, apud Dioecesanum ejusdem Episcopum contraria agere valeam supponendo praesertim, quod veneratus Episcopus, dum fatum presbyterum, ut reor, e Dioecesi a jurisdictione sua canonicis Dimissorialibus litteris remisit, causas quoque adnectere debuerit, quae venerato praesuli huic optime notae esse potuerant ac debuerant. Et ideo Excellentiae

Vestrae humillime supplex sum: ut me ab hac gravi cimmisiiones
gratiose relevare dignetur.

Qui ceterum altis Excellentiae Vestrae gratiis commendatus,
cum veneratione persevero.

Eperjisini die 29 Januarii 1861.

Humillimus servus
Josephus Gaganecz
episcopus Eperjesiensis.

Бѣдный честный Русинъ прото одно, токмо, что на ли-
тературномъ русскомъ языкѣ писалъ «Церковную Газету»,
наустивъ противо себя враговъ (галицкихъ русиновъ) не
токмо отпущень отъ своей посады, но еще и заграницею
обижается; лишенъ хлѣба, лишенъ отечества, лишенъ имѣ-
нія всего, блукается по Божію свѣту; — однакожь роду сво-
ему вѣрный не измѣняетъ, но постоянно терпитъ за правду
и про правописное русское слово.

Господи, помогай ему!».

Вотъ подлинное и обоснованное мнѣніе Духновича о
Раковскомъ.

Характеризуетъ духъ того времени, что епископъ Гага-
нецъ не только не способствовалъ преслѣдованіямъ Раков-
скаго, но, при содѣйствіи Духновича, ходатайствовалъ въ
его интересахъ передъ епископомъ Поповичемъ, который и
удѣлилъ ему одинъ изъ лучшихъ приходовъ, извѣстную
Изу, гдѣ Раковскій оставался и до самой смерти¹⁾.

¹⁾ Іоаннъ Раковскій родился 5-го марта 1815 года въ селѣ
Ставномъ, на ужанской верховинѣ, отъ родителей Іоанна и Маріи
Затворницкой, состоявшихъ на камеральной службѣ. Въ школу хо-
дилъ онъ въ Ужгородѣ и Кошицахъ. Рукоположенъ былъ безбрачно
10 мая 1839 года и опредѣленъ въ Вышнюю Рыдницу. Въ 1844 году
назначенъ въ качествѣ вице-ректора въ Ужгородскую духовную семи-
нарію. Съ 1850 года и по 1859 былъ переводчикомъ державныхъ
законовъ на русскій языкъ въ Будинѣ. Тогда-же онъ выхлопоталъ у
О-ва св. Стефана возможность издавать русскую «Церковную Газету»
и сталъ ея редакторомъ. Полное названіе его изданія было: «Церков-
ная Газета, въ пользу восточно-каѳолической, соединенной съ рим-
скимъ патріаршимъ престоломъ церкви, издаваемая О-вомъ св. Стефа-
на. 1856 г. Годъ изданія первый: Редакторъ: Іоаннъ Раковскій, епархіи
мукачевской священникъ. Изъ типографіи Мартина Багова въ Будинѣ».
Со слѣдующаго 1857-го года изданіе газеты пріостановилось. Въ 1859
года онъ былъ опредѣленъ въ качествѣ душпаствыря въ Изу, гдѣ и
скончался дня 3-го декабра 1885 года. Приходъ Раковскаго могъ быть
образцомъ для всей епархіи. Онъ обучалъ селянъ закону Божію, обу-
чалъ чтенію и письму, приучалъ къ труду, удерживалъ отъ пьянства,
чтобы умѣли люди пользоваться всѣмъ тѣмъ, что служитъ просвѣще-
нію души. Его кураторы самолично изготовляли церковные счета,
чему не было примѣра ни въ одной епархіи. Самъ дѣлалъ усилія,

Здѣсь любопытно припомнить, что епископъ Гаганецъ въ 1865 году по просьбѣ русскаго правительства рукоположилъ шесть причетниковъ для холмской епархіи, которые были воспитаны въ православной духовной академіи. За это онъ получилъ въ подарокъ отъ императора Александра II. роскошный иллюстрированный молитвенникъ.

III.

Духновичу было уже пятьдесятъ лѣтъ, когда онъ понималъ и свое назначеніе и свою роль въ карпаторусскомъ культурно-національномъ дѣлѣ. Всю его предшествующую жизнь можно въ полномъ смыслѣ назвать подготовительнымъ періодомъ. Внѣшняя жизнь Духновича и настроенія эпохи достаточно точно установлены наукой.

Духновичъ родился въ селѣ Тополя, Земплинской жупы, 24 апрѣля 1803 года, гдѣ его отецъ, Василій, священнослужительствовалъ. Духновичу не было еще и тринадцати лѣтъ, какъ скончался его отецъ. Осталась его мать, урожденная Марія Герберій, съ шестью сиротами, осталась на вдовьемъ хлѣбѣ. Александръ былъ ея самымъ старшимъ ребенкомъ. Несмотря на тяжесть положенія, вдова отдала старшаго сына въ гимназію, которую тотъ и окончилъ. Далѣе Духновичъ имѣлъ желаніе сдѣлаться инженеромъ, однако, недостатокъ средствъ не далъ ему иного выхода, какъ приписаться къ причетникамъ пряшевской епархіи. Окончивъ курсъ богословія, съ 1827 года Духновичъ находится въ Ужгородѣ, гдѣ онъ, какъ безбрачный, былъ рукоположенъ и оставленъ въ епископской канцеляріи въ качествѣ архивариуса. Въ концѣ 1830 года Духновичъ отправляется въ домъ ужгородскаго поджупана Стефана Петрова, гдѣ и пробылъ два года. Въ 1833 году видимъ Духновича снова въ канцеляріи, но уже пряшевской епархіи. Въ концѣ этого же года ему была временно повѣрена администрація прихода въ Комлошѣ, а въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ приходникомъ въ Бѣловежу. 1 апрѣля 1838 г. онъ пересе-

чтобы обучить нашъ народъ правильному русскому языку, очистить его отъ чуждыхъ вліяній. Издавъ на мадыарскомъ языкѣ русскую грамматику и помѣщалъ множество статей въ «Свѣтѣ», «Новомъ Свѣтѣ», «Карпатѣ». Но именно потому, что былъ онъ народолюбомъ, свое предпочиталъ чужому, не лукавилъ и не лицемерилъ, начальство его ненавидѣло и даже преслѣдовало. И за то, что во время пребыванія въ Будинѣ, Раковскій имѣлъ сношенія съ православнымъ священникомъ изъ Россіи — Войтковскимъ, который пребывалъ въ Уго́м'ѣ при могилѣ великой княгини Александры Павловны, супруги венгерскаго палатина Іосифа, — постоянно былъ на подозрѣніи. Все это могъ перенести только дѣйствительно стойкій человекъ, какимъ и былъ Раковскій. Ср. «Листокъ» 1885 г., стр. 89.; 1886 г. — стр. 251, 466.; 1887 г. — стр. 41.

лился в Ужгород, как писмоводитель консистории. В 1843 году 11 апреля Духнович был назначен клириком в пряшевской капитулы и таковым оставался до конца своей жизни. Скончался он в Пряшеве 30-го марта 1865 года.

В определении характеров и воззрений большую роль играют, помимо даров и талантов души человеческой, впечатления детства и условия окружающей среды.

Важно, конечно, в судьбе Духновича и то обстоятельство, что он был рукоположен безбрачным. Если бы он был женат, едва ли бы он взял на себя ту ответственную и национально-небезопасную роль, которую он с честью выполнил. Семья, ответственность перед нею, бедное карпаторусское хозяйство отняли бы у него не мало сил, а может быть и отвлекли бы его внимание от национально-культурной и просветительской работы, которая в те времена рассматривалась и как политическая акция.

Известно, что после рукоположения Духнович был определен в епископскую канцелярию, а следовательно и попал в круг того епископа Тарковича, который отличался угрюмостью, необщительностью и придирчивостью. Его терпел только Василий Попович, начальник канцелярии и то во имя получения в дальнейшем Мукачевского епископства. Ясный, веселый, поэтически настроенный Духнович, конечно, не пользовался уже по одним только качествам своей натуры благорасположением Тарковича. Решившись на безбрачие, чтобы помогать своей вдове матери, Духнович за свой канцелярский труд не получал не только жалованья, но не имел даже и квартиры. Жил из милости других, ходил в старом и оборванном платье, чтобы сохранить обувь — дома сидел босой. А потому и нет ничего удивительного, что, не видя исхода из нищеты, в один прекрасный день он собрался и просто бжал из Пряшева в Ужгород, голый, босый, с одним флорином в кармане, занятым у священника Афанасия Яромиса, где он квартировал. Однако, и в Ужгород ему не посчастливилось, ибо у него не было отпускного листа, а Таркович отказал его выдать. Чтобы выйти из затруднительного положения Духнович и принял место воспитателя восьмилетнего сына ужгородского поджупана Петрова — Акакия. Но вскоре в Ужгород был получен приказ Тарковича, требующий возвращения Духновича в Пряшев под угрозой исключения из священнического сана. Чтобы избежать этой кары Духнович вернулся и получил сперва место в канцелярии, а затем в Комлоше и Блловеже.

Преследования со стороны еп. Тарковича имели большое влияние на определение характера Духновича, так как они заставили его заняться проблемой не только своего су-

ществованія, но и человѣческой жизни вообще. Не будь у Духновича здоровой любви къ жизни, подъ вліяніемъ невзгодъ изъ него могъ бы получиться типъ недовольнаго жизнью и ея условіями. Спасла Духновича вѣра, которая указала ему на земную жизнь человѣка, какъ на нѣчто преходящее :

«... любезный свѣтъ,
Сердцу, душѣ, чувствамъ плѣнь,
Есть дочасна радость, тѣнь,
Ничтожество, прахъ и тлѣнь».

(«Образъ жизни»).

Духновичъ подчеркивалъ :

«Я на Бога уповаю,
Не нужна мнѣ сумна лесть,
Отъ Господа принимаю,
Будь-то мзду, а будь-то мечь».

Подъ кровомъ я Бога-Отца
И сотворителя небесъ
Останусь; бо въ рукахъ Творца
Судьба моя и я весь.

Не нужно мнѣ славы міра,
Буди мнѣ слава небесъ,
А что Богъ дастъ, что дастъ вѣра
Тѣмъ доволенъ буду весь.

Къ этому онъ добавилъ :

Не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ.

Не падаю, но падутъ искающіе несправедливость.

Правда и безъ ума много сдѣлаетъ, но умъ безъ правды ничего добраго.

Правда и умъ суть два владыки вселенной.

Вотъ источникъ философіи Духновича. Этимъ источникомъ питался его духъ и въ свою очередь — духъ превращалъ чистую струю источника въ творчество, начиная отъ одъ и кончая афоризмами, логогрифами и загадками. Большая часть этого рода творчества родилась въ Бѣловѣжѣ, которую Духновичъ символически назвалъ «островомъ св. Елены»¹⁾. Эта философія, центромъ которой являл-

¹⁾ Въ своихъ запискахъ Духновичъ сообщаетъ, что въ 1829 году въ Пряшевѣ ему приснилось село Бѣловѣжа, котораго онъ не только никогда не видалъ, но и не слыхалъ о немъ. Во снѣ-же видѣлъ онъ дорогу, ведущую въ село, внѣшній видъ села, церковь съ пятью башнями, приходскій домъ, огородъ и т. д. Это мѣсто представилось ему

ся Богъ, опредѣлила не только его идеологию, но и всю дальнѣйшую дѣятельность.

Духновичъ примѣчалъ :

«Несчастія въ жизни ту самую роль играютъ, что буря въ природѣ: омывають, оживляютъ, укрѣпляютъ».

Рыбка попавшая на удику коль больше торгается, толь больше болѣзни терпитъ. Человѣкъ, коему несчастна доля приключилась, понимать долженъ тую рыбку, и мѣсто печальной непокойности, да терпитъ непріятну судьбу, ибо чѣмъ больше торгается, эта судьба ставится тѣмъ болѣе не-сносной.

Если ты не хочешь, чтобы другіе называли тебя глупцомъ, то самъ себя перестань называть мудрецомъ.

Если ты желаешь, чтобы о тебѣ люди всегда хорошо говорили, ты всегда хорошо дѣлай, а когда и такъ еще зле тебѣ говорятъ, то пусти судьбу твою на Господа, мысля, что и о Спасителѣ самомъ зле говорили законники.

Отплату никогда не ожидай. Человѣкъ — всегда неблагодарный».

Ввиду этой нравственной высоты Духновичъ совершенно не заботился о земныхъ богатствахъ. Что стоитъ золото или драгоценные камни, говорилъ онъ часто, если они насъ не выкупятъ изъ смерти? Иронически примѣчалъ: «какъ тучному вепрю радуется хозяинъ, такъ тучному хозяйству радуется чортъ». Счастье сего міра онъ уподоблялъ солнечнымъ лучамъ, которые часто заслоняются туманомъ и мглою. Счастливымъ онъ считалъ только того, кто не является рабомъ сего міра.

Вотъ нѣкоторые изъ его сужденій по сему поводу:

«Искать Славы есть суета».

но снѣ, какъ тюрьма, въ которую его заперли. Онъ проливалъ слезы и воскликнулъ: «Это мой островъ Елены!».

Тогда подступилъ къ нему нѣкій геній и заявилъ: «Не бойся, не упадай духомъ, лишь четыре лѣта пребудешь здѣсь, тогда освободишься, и будетъ тебѣ хорошо».

Въ 1833 г., когда Духновичъ прибылъ въ Бѣловѣжу въ первый разъ, чтобы занять приходъ, этотъ сонъ припомнился ему и онъ воскликнулъ:

— Вотъ мой островъ Елены!

Однако этотъ сонъ и утѣшалъ его. Онъ до конца исполнился: 1-го апрѣля открылась тюрьма. Духновичъ изъ Бѣловѣжи былъ назначенъ консисторіальнымъ письмоводителемъ въ Ужгородъ. Въ 1844 г. 16-го января скончался епископъ Тарковичъ и его мѣсто занялъ Юсифъ Гаганецъ. Послѣдній поспѣшилъ возвратитъ Духновича въ Пряшевъ, возвелъ его въ санъ клирошанина и тѣмъ предоставилъ ему возможность исполнять свое призваніе.

«Получить Славу есть счастье, а заслужить Славу есть добродѣтель».

«Не хвались величиною имени, оно древле малое было».

«И дубъ великанскій изъ малаго произошелъ сѣмени».

«На великанскихъ кумирахъ мнимая Слава каплями дождя истребляется и по должайшемъ времени, истлѣвшу кумиру и слава исчезаетъ, а остается бѣдный песочный порошокъ».

«Слава добродѣтели останется и по истребленію кумира; сей блескъ не погаснетъ во вѣки».

«За славою пустою прыгнуцій человекъ не иное что есть, какъ паромъ надутый пузырь, изъ коего выпусти пару, совсѣмъ умалѣетъ; такъ изъ человека чинами украшеннаго сбири блестящіе чины, останется дуракомъ».

«Не славися счастьемъ. Фортуна, хитра богиня, крылья имѣетъ и часто отлетаетъ изъ своей квартиры, искаая удобнѣйшее жилище. Хитрая то богиня Фортуна! Она къ честному человеку рѣдко прилетываетъ, она симпатизируетъ болѣе съ хитрыми и нечестивыми. Фортуна многимъ много даетъ, но избыточно — никому, ибо кому больше даетъ, тотъ еще больше желаетъ».

Задачей этой жизни онъ считалъ дѣятельность и примѣчалъ, что, кто бездѣльничаетъ и лѣнится, тотъ не живетъ.

Сущность жизни Духновичъ опредѣлилъ въ удовольствіи, а самое удовольствіе видѣлъ въ спокойствіи совѣсти и желудка. «Нечистый желудокъ моритъ тѣло, говорилъ онъ, а нечистая совѣсть убиваетъ и тѣло и душу». Чистую совѣсть онъ называлъ нетлѣннымъ достояніемъ человека, которое и послѣ смерти остается нерушимымъ. Веселится можетъ только человекъ съ чистой совѣстью; у кого совѣсть не чиста, тотъ не въ состояніи испытывать полной радости.

Жизнь сравнивалъ Духновичъ съ отроками въ саду: одни изъ нихъ просто гуляютъ и наслаждаются его красотами, другіе — работаютъ, третьи — губятъ растенія, четвертые за растительнымъ царствомъ ухаживаютъ, но есть и такіе, которые въ бездѣйствіи томятся. И еще сравнивалъ онъ жизнь съ потокомъ, который съ трудомъ течетъ по камнямъ ярка, затѣмъ увеличивается отъ дождевой воды, расширяется и мощно вливается въ море. Этотъ ручеекъ можетъ быть и полезнымъ и вредоноснымъ. Таковымъ уже отъ самыхъ первыхъ дней сознательной жизни можетъ быть и человекъ.

Отсюда слѣдуетъ, что цѣль человеческой жизни — общая польза. Какъ огонь грѣетъ и свѣтитъ для другихъ, такъ и человекъ долженъ жить для ближнихъ и отъ этого быть счастливымъ.

Кто для себя самого живетъ,
Самъ со всѣмъ умираетъ,
А кто челоуѣчеству живетъ,
Онъ и по смерти живъ будетъ.
А кто ни для себя, ни для другого не живетъ,
Той еще живъ умираетъ.

А къ этому онъ еще присовокупилъ:

Что утромъ дѣлать должно,
То сдѣлай сейчасъ, днесъ,
А что днесъ кушать надобно,
То отложъ на утро; весь
Животъ твой мало годинъ,
День да утро — день одинъ.

Принявъ во вниманіе эти общіе взгляды Духновича на жизнь, естественно вытекаетъ и заключеніе, что онъ и по укладу души своей былъ призванъ работать для своего народа, который въ то время такъ нуждался въ помощи.

Духновичъ говорилъ :

«Люби родъ своей не протом, что онъ славный, но для того, что онъ — твой. Кто стыдится своего народа, той самъ себе стыдится.

Властнаго своего рода не стыдайся, за своимъ унимайся, бо то есть твое, а что не твое, то все чужое».

Стыдящимся рода своего онъ разсказалъ басню о собакѣ:

«Бодрая собака природнымъ себѣ ласкательствомъ вознесенна была на высшую степень, получа при царскомъ Львиномъ дворѣ достоинство перваго придверника. Приходящихъ съ челобитьемъ къ царю, лестно покивая хвостомъ, выпускала и съ поклономъ отпускала. Но, когда собаки такожде появились во дворъ царскій, грозно брехала, лаючи на приходящихъ. Замѣтилъ то высшій придверникъ медвѣдь и спросился отъ сослуживца своего, почему онъ облаиваетъ такъ грозно свой родъ, а ласкается къ чужимъ? Я то дѣлаю, сказалъ бодрый церберъ, изъ самага равнодушія, чтобы на мнѣ никто какую нибудь интересенцію не примѣтилъ! — Такъ протом? Мнѣ же видится, сказалъ медвѣдь дальше, того ради дѣлаешь то, бо стыдишься власнаго рода, утаить желаешь свой родъ. И съ посмѣшкою заключилъ: таися, братъ мой, сколько хочешь, но про то всегда извѣстно будетъ, что ты — сучій сынъ».

Къ этому Духновичъ еще прибавилъ. «Прилѣпи на цѣлое тѣло твое бумажки съ надписью: «Magyar, magyar», мадьяръ при первомъ звукѣ рта твоего скажетъ тебѣ *Bizony, muszka vagy, földi.*

Однако, для того, чтобы инстинктъ, кроющійся въ Дух-

новичѣ, могъ проявиться на внѣ, необходимъ былъ толчекъ. Человѣкъ, по своему существу, тяжель на подъемъ. Часто къ его дѣйствіямъ должны быть чисто внѣшнія принудительныя условія. Что касается Духновича, то этого толчка онъ ожидалъ давно. Въ своихъ запискахъ (отъ 4-го мая) онъ пишетъ слѣдующее:

«Время проминися, все естество посмирилося, и повленимъ благовити начинаеть духомъ. Все животное чувствуетъ веселое обновленіе, всякъ человѣкъ благогласаніемъ, сладкопѣніемъ превосхищается, и вышше человѣчества превоздѣвается. —

Выспрь, — Ахъ сколь облегчаетъ новый сей Зоръ, и моя, смутнаго плѣнника, перси, какъ наремно пропадають страшныя. — Границы, нимиже, аки союзы непрерывныма терпящій духъ мой стязанъ и вся чувствительность аки бы погребенна. Уже бываше! Не новый уже видъ, приѣмными сѣють зарями и полумертваго очутить, и самымъ еще онечаяніемъ держимаго увеселить. —

Се весело черчащій поточокъ, доселѣ подь безмилостивнымъ леда покровомъ уныло слезящъ, свободою подаренъ, серебрянымъ облакомъ, веселымъ шептаніемъ, сколь возбудить нѣжныя сердца страсти? О радостно трепещеть сердце на взоръ новоземнаго луга и превосхищается, егда сухія вѣтки развиваются, и древа польная аки изъ гроба воскреснуть, — словомъ спѣшущая. —

Ярь составъ благодати возвышшуетъ ибо отъ ней находятъ добрая воля; радость, веселость тонкія сердца жилки прибывающія раждается; Оттуди происходитъ благодареніе и тепленькая страсть ею же взыраю и думаю на сего, иже образъ земли поновимъ есть; отъ селы возродится многодушіе нимже полная душа сицевымъ возопити пражеть глазамъ: Господи пакъ многая и веселая дѣла твоя, ты сія вся премудро устроилъ еси, се полная есть Земля твоя благодати!

О ненапоминаетъ ли и мене естественное сіе удаленіе на непохожимаго онаго добродѣтеля? иже творить вѣдѣніемъ своимъ вся по вѣчнымъ и непремѣнительныхъ судьбахъ! Не воистину вѣрую ли азъ нынѣ, что вновѣ въ пищу человѣка хлѣба возраститъ Онъ? Не возбудить-ли въ мнѣ взоръ онъ нетлѣнія чувствительности? егда вѣжу, что посмертія, угибшія, уничиженныя Строенію нововсеслымъ одѣяются животомъ? Цили не образъ вся сія суть нынѣ будущаго славнаго, и моего обновленія, и свѣтлаго воскресенія. — О воистину скорити, и спѣшити подобаетъ мнѣ, доколѣ часъ! Ибо, сколь мало цѣнная былабъ и моя жизнь предъ лицемъ свѣтовъ Господа, аще быхъ въ прекрасномъ времени семъ лѣнился силою и трудомъ поспѣшати, егда все, естество подвизается. — еже плодъ трудовъ dospѣти!

Азь обѣщаю тебѣ Господине Жизни, Строителю сего времени, обѣщаю устнами и сердцемъ, что красномыслиемъ и тихимъ совѣтомъ дивныя почитати буду твоя благодати непрестанне. —

О сподоби великій Строителю, да вся тобою пѣсне устроенная, ради Славы твоя и твѣго увеселенія. Цвѣтуть зеленѣютъ; сподоби и въ сердци моемъ новое благодареніе чувство процвѣтати, да вся внутренняя моя подобно освятятся твоему нравославію, мыслею, чувствомъ, дѣломъ и почитаніемъ. Все, еже очесамъ моимъ нынѣ велелѣпно предлагается твою благодать и сполуисповѣдуетъ тысящами словъ, и неисчислимыми образы! О подай таже недостойному силу, да тебя съ тщаніемъ, ревностію и душею славити сподоблюся; Да, егда веселы Селянинъ, Земледѣлецъ, не безъ надежды многоплодія нисходитъ на нивы своя; хитрый художникъ почитаетъ рукодѣянія; быстрый военачалникъ съ полкомъ указываетъ хитрыя тѣлодвиженія; тогда прійма всемилый Отче и моего малоумія строеніе!».

Какъ извѣстно, 11 апрѣля 1843 года Духновичъ былъ назначенъ клирошаниномъ. Видя огромныя способности Духновича, пряшевская капитула стремилась возможно скорѣе провести его въ сеймъ, и черезъ два года послѣ прибытія въ Пряшевъ, а именно въ 1847, а затѣмъ и 1848 годахъ — Духновичъ уже выступалъ въ государственномъ сеймѣ, то есть какъ разъ въ ту пору, когда тамъ рѣшался вопросъ о супремации мадьяръ. Однажды Духновичъ былъ свидѣтелемъ необычайной сцены. 8-го апрѣля 1848 года въ Братиславу, гдѣ въ то время парламентъ имѣлъ совѣщанія, пришла сербская делегація, чтобы поздравить самостоятельное мадьярское правительство, которое именно въ то время мадьярамъ удалось вынудить отъ династіи подъ натискомъ общей революціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ предъявить къ нему и требованія, по которымъ: 1. законъ признаетъ сербскую національность, 2. во внутреннихъ дѣлахъ обезпечивается право сербскаго языка, а также гарантируется автономія церкви и просвѣщенія, 3.- сербамъ дается возможность ежегоднаго созыва собора для рѣшенія внутреннихъ дѣлъ и т. д. Депутацію отъ имени правительства принялъ министръ финансовъ, тотъ самый Кошутъ, который въ эмиграціи предпринялъ рядъ шаговъ къ тому, чтобы сплотить народы въ пользу мадьяръ. Онъ отвѣтилъ делегаціи, что съ 15-го марта каждый гражданинъ государства сталъ его равноправнымъ гражданиномъ безъ различія національности и религіи. Георгій Стратиміровичъ, членъ делегаціи, подчеркнул, что сербы имѣютъ право на собственное воеводство, которое имъ установилъ еще Леопольдъ I. и высказалъ надежду, что мадьярское правительство осуществитъ его, а именно на территоріи Темеша, Бачки, Бараньи и Срема. Тутъ Кошутъ потерялъ терпѣніе, прервалъ бесѣду и гру-

бо сказалъ: «Пусть это рѣшитъ оружіе; и цыганскіе бродяги при Сигизмундѣ имѣли собственное воеводство!».

Это событіе и было тѣмъ внѣшнимъ толчкомъ, который пробудилъ Духновича къ дѣятельности. Русскимъ онъ былъ и до сихъ поръ. Но только теперь онъ созналъ важность истиннаго уваженія и почитанія своей національности. Чтобы любовь была дѣйствительна, она должна захватить волю. Любовь только тогда дѣйствительна, если она полезна.

Именно этотъ огонь, который блеснулъ ненавистью въ глазахъ Кошута, желавшаго всѣми силами удержать мадьярскую супремачію надъ прочими народами государства, считая ихъ только средствами къ усиленію мадьяръ и сыгралъ роль побудительной причины, которая и родила извѣстное «вѣрую» Духновича:

Я русинъ былъ, есмь и буду,
Я родился русиномъ,
Честный мой родъ не забуду,
Останусь его сыномъ.

.
И теперь, кто питаетъ мя?
Кто кормить, кто мя держитъ?
Самое русское племя
Мою гордость содержитъ.

.
Прото тебе, роде мой,
Клянуся живымъ Богомъ,
За печальный потъ и трудъ твой
Повинуюся долгомъ.

Мадьярская революція благословила Духновича на національный русскій подвигъ.

Дня 7 апрѣля 1849 года, въ великую субботу латинскаго обряда, мадьярскіе революціонеры подъ предводительствомъ нѣкоего Беницкаго начали наступленіе на Пряшевъ, который защищали славяне во главѣ съ Блоудекомъ. Беницкій стоялъ на холмѣ подъ Малымъ Шаришемъ и обстрѣливалъ изъ двухъ орудій дорогу, ведущую въ Левочу. Славяне, словаки и русскіе, нѣсколько солдатъ изъ гарнизона въ Пармѣ, а также и отрядъ кавалеріи, состоящій изъ десяти чеховъ, съ 8 час. утра и до 4 час. дня защищали мостъ на Торисѣ. Лишенная достаточныхъ средствъ обороны, защитники въ четвертомъ часу взорвали мостъ и отступили къ Рославицѣ. Вступившіе въ городъ мадьяры обстрѣляли кафедральный соборъ, только потому, что на немъ не было вывѣшено мадьярскаго флага, а также и епископскую палату. Одинъ изъ снарядовъ, павшихъ въ городъ, Духновичъ подобралъ и хранилъ у себя, какъ память.

27-го апрѣля Духновичъ за русское слово и за любовь къ родному русскому народу былъ арестованъ возставшими, посаженъ въ городской домъ, откуда въ часъ пополудни подъ конвоемъ отряда въ 400 человекъ съ двумя орудіями былъ отправленъ въ Кошицы, сопровождаемый насмѣшками и издѣвательствами со стороны мадьярскихъ и польскихъ гонимыхъ.

На Дриновской горѣ къ нему подошелъ комендантъ отряда, котораго называли капитаномъ, рыжеволосый полякъ, и обрушился ругательствами за русскость, ударилъ его по лицу, велѣлъ снять съ Духновича сапоги. Такъ нашъ поэтъ принужденъ былъ путь до самыхъ Кошицъ продолжать босикомъ. Горько лилъ онъ слезы на пути, спрашивая самого себя: «Аще есть болѣзнь, яко болѣзнь моя?».

Въ Кошицы онъ пришелъ къ 11 часамъ ночи, гдѣ въ это время какъ разъ праздновалось сверженіе Габсбурговъ съ престола. Городъ былъ освѣщенъ, по улицамъ разгуливали толпы народа. Здѣсь Духновича посадили въ тюрьму при городскомъ домѣ. Передъ воротами дежурило 2 полицейскихъ.

Однако, ничего серьезнаго Духновичу на этотъ разъ не присудили. Скорѣе всего, что цѣлью всей этой тортуры было устрашеніе Духновича. 5 мая по распоряженію комиссара, барона Лужинскаго, Духновичъ былъ выпущенъ на свободу и возвратился въ Пряшевъ. Онъ оставался подъ полицейскимъ надзоромъ и ему не разрѣшалось выходить за черту города. Но все это происшествіе, конечно, не только не отклонило Духновича отъ намѣченнаго плана, но, напротивъ, возбудило въ немъ энергію для національной борьбы. Событія въ этомъ отношеніи только благопріятствовали нашему дѣятелю. Мобилизація пограничной русской арміи и назначеніе князя Паскевича главнокомандующимъ, походъ русскихъ противъ мадьяръ — все это Духновичъ учитывалъ.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что главная база русской арміи пришла именно на Шаришъ. Ея правый флангъ по командованіемъ генерала Рудигера, гдѣ въ качествѣ комиссара былъ опредѣленъ Добрянскій, продвигалась впередъ отъ старой Любовни, въ то время какъ лѣвый подходилъ къ Бардіеву. 22 іюня вечеромъ оба они соединились въ Пряшевѣ, гдѣ войска получили нѣкоторый отдыхъ. На слѣдующій день черезъ Пряшевъ прошло приблизительно до 110 тысячъ солдатъ во главѣ съ донскими козаками 45 полка. Этотъ торжественный походъ, сопровождаемый пѣніемъ «Слава въ вышнихъ Богу», начался на разсвѣтѣ и продолжался до самой ночи. Естественно, что на населеніе это произвело огромное впечатлѣніе. Духновичъ прямо ликовалъ и завязалъ знакомство и дружбу со многими русскими офицерами. Въ его запискахъ есть воспоминаніе объ этомъ, гдѣ

онъ перечисляетъ и имена своихъ знакомыхъ: Викторъ Михаловскій, генераль Сельванъ, Афанасій Захарьевичъ, Иванъ Мужайко, Іосифъ Гинтовъ, Николай Башинскій, адъютантъ Христофоръ Колачевъ, штабсъ-капитанъ Томашевскій, Петровъ, майоръ Руданъ, капитанъ Алексѣй Васильевичъ Иванцовъ и т. д. Прибавимъ къ тому, что уже отъ 1842 года онъ былъ знакомъ съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ, профессоромъ Харьковскаго Университета, который 2 іюля этого-же года, послѣ свиданія съ Гаемъ, посѣтилъ также и Духновича.

Кто могъ въ то время полагать, что походъ для Карпатской Руси не явится освобожденіемъ, и что Русь падеть жертвою обмана Габсбурговъ?

Конечно, тотъ поворотъ, который обнаружился послѣ подавленія мятежа, не могъ не опечалить глубоко русскихъ подъ Карпатами. Духновичъ, однако, это перенесъ стойко. Онъ спѣшилъ теперь спасти то, что было обречено вѣрной гибели, спасти свой народъ.

Въ это время видные карпаторусскіе патріоты уже сошли въ могилу, не было въ живыхъ ни Балудянскаго, ни Кукольника, ни Орлая, ни Билевича, ни Лодія. Правда, непосредственно способствовать Духновичу они не могли. Переселившись въ Россію и сдѣлавшись тамъ активными дѣятелями высшаго образованія русскаго народа, они не могли сохранить связей даже со своими близкими родичами на родинѣ. Австрійское правительство этого не допускало и слѣдило за ихъ сношеніями. Приходилось сообщаться тайкомъ*). Ихъ переселеніе раздражало правительство, тѣмъ болѣе, что оно порою даже заискивало передъ ними. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ припомнить, напр., что Балудянскій былъ профессоромъ Великоварадской Академіи, а съ 1796 и по 1803 годъ былъ профессоромъ государственнаго права въ Пештскомъ Университетѣ. Все это было только тактикой, чтобы удержать дома тѣхъ, кто на родинѣ служилъ не своимъ, но чужимъ національнымъ интересамъ. Былъ подкупъ, но безъ результатовъ. Побѣждала тяга къ служенію родному, русскому. И именно успѣхъ первыхъ переселенцевъ въ Россію и былъ препятствіемъ къ дальнѣйшимъ переселеніямъ въ Россію. Послѣдними выѣхавшими были тѣ девять, которые оставили родную землю, получивъ приглашеніе отъ Харьковскаго Университета.

Великая бѣда была въ томъ, что на карпатороссовъ, измученныхъ національнымъ рабствомъ, начало оказывать огромное вліяніе мадьярское національное возрожденіе. Наряду съ традиціей центробѣжной вскорѣ обнаружилась и центростремительная сила въ пользу мадьяръ. Въ домахъ

*) См. Сборникъ Мин. Н. Пр., I. 1857—58.

карпаторусской интеллигенції появились явные признаки мадьяризації, и не только в разговорѣ и письмѣ, но и в фамиліяхъ. Такъ Курочка преобразился в Székely, Волощукъ в Dallos, Колесарь в Kerekes, Десятникъ в Tizedy, Худоба в Hodobay, Лешковичъ в Lángfi, Ляховичъ в Vértessi, Сциранка в Kendrovsky; такъ появились новыя семьи съ новыми именами. В священнической средѣ, напр., къ этимъ новымъ относятся фамиліи: Komlósy, Csonka, Ternyei, Géczy, Fásy, Gács, Kiss, Bánk, Verebesy, Hajnal, Olcsay, Kóvági, Fazekas, Bocskay, Gyárfás, Csöpey, Kardos, Beskó, Halász, Ternay, Pénel, Kovordányi, Dobray, Mihályi, Regéczy, Csuzey, Deák, Bondor, Huszár, Méhesy, Lomey, Gaál, Bárány, Hajdu, Sarkady, Zsenkey, Csöp, Haraszthy, Baranyay, Ujhelyi, Hegyi, Vizu, Némethy, Viczmándy, Földy, Buday, Szűts, Vezendy, Erdélyi, Kovács u. m. g., большая часть которыхъ, вскорѣ совсѣмъ забыла свой русскій родъ и окончательно признала себя мадьярами. Ввиду этого уже епископъ Андрей Бачинскій считалъ нужнымъ напомнить своему священству о его родномъ русскомъ языкѣ. В своемъ пастырскомъ посланіи отъ 1806 года онъ указывалъ на судьбу, постигшую чешскій народъ: «Иже отъ святыхъ отцовъ Кирилла и Меѳодія приѣмше свѣтъ восточнаго благочестія, въ началѣ быша славяно русскаго языка, письма и набоженства, послѣ-же со за лишеніемъ его всячески перемѣнились... Но что на этотъ народъ зриши, внемли и бодрствуй угро-россійска діэцезіе, да не тебѣ тое случится съ залишеніемъ отеческаго и матернаго языка своего и письма». В другомъ же письмѣ онъ примѣчаетъ: «Не только в потупленіе, но паче в самое умаленіе день ото дня приходитъ руцизна и наше русское набоженство»*).

Слѣдуетъ вспомнить, что Бачинскій былъ большимъ поклонникомъ Ломоносова, называя его патриархомъ русскаго языка. Такимъ образомъ возрожденіе русской литературы при Ломоносовѣ встрѣтило живой откликъ и на Подкарпаты. Бѣда была в томъ, что Бачинскій вскорѣ умеръ, а его наслѣдникомъ оказался Алексѣй Почій, мадьярскаго духа великоварадскій клирошанинъ. А съ этимъ провалилась и тенденція къ національному возрожденію. Лица, которые могли тому содѣйствовать, во главѣ съ Балудянскимъ переселились в Россію. Положеніе характеризуетъ фактъ, что по поводу труда Фогарашія о происхожденіи мадьярскаго языка протестъ объявила консисторія (1833

*) См. Жизнеописаніе А. Ѳ. Бачинскаго в мѣсяцесловѣ за 1864 г.

г.*). Тому способствовала и дальнѣйшая смѣна на епископскомъ мѣстѣ. Послѣ смерти Почія мукачевскимъ епископомъ сталъ Стефанъ Поповичъ, который, хотя и симпатизировалъ въ душѣ русскости, однако находился подъ вліяніемъ семьи своей матери, дворянки Маріи Лендъель. Въ 1848 году онъ открыто сталъ на сторону Кошута.

Въ Ужгородскомъ замкѣ, гдѣ помѣщалось сѣменище мукачевской семинаріи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится каплица, въ 1848 году были спальныя комнаты. Въ первыхъ числахъ мая пришли сюда вербункоши. Молодые причетники ихъ окружили и пѣли: »Talpra magyar«. Затѣмъ дукторъ молодежи, богословъ 4-го года Парѣень Полкай первый отбросилъ свой поясъ и вмѣсто него на реверенду привязалъ саблю. Въ одной газетѣ («Kelet») русскій священникъ по этому поводу писалъ: «Прелестный видъ было то, видѣть его какъ второго Іоанна Капистрана!». Возбужденные этимъ примѣромъ въ число гонведовъ Кошута вступили и другіе русскіе причетники Мукачевскаго клира, при этомъ до конца оставались вѣрными мадьярской супремации. Всего такимъ образомъ вступило до 35 богослововъ и до 25 молодыхъ людей изъ ужгородской препарандіи.

Вотъ плоды нерѣшительности еп. Поповича.

И, несмотря на все это, Духновичъ не остался безъ помощи. На первое мѣсто здѣсь слѣдуетъ поставить крупнѣй-

*) Въ Будапештской газетѣ «Ielenkor» отъ 11 декабря 1833 года было напечатано слѣдующее заявленіе:

Nyilatkozat.

Főtisztelendő Fogarassy János lebergi görög katholikus tizmetes kanonok 's'a bétsi sz. Borbála görög katholika Egyház parochusának illy tizimű munkája: „Origo et formatio linguae lligonicae, Ungaricae rectius magjaricae dictae Historice, Ohilo et Ethimologice ac Grammatice deducta Viennae Anno 1833. Typis Congregationis Mechitaristicae“ ezen sz. szék tagjainak kezűkhöz jutván: a' mennyiben foglalátja metsző, a' hazai nyelv, s' azt oly közlekedéssel ápoló nagyérdemű hazafiak iránt kiméletlen, ezen sz. székre pedig 's kormánya alatti orosz ajkuakra nézve azon alaptalan következtést vonhatná, hogy a' nevezett szerző főntebb idézett munkájában sz. szék 's kormánya alattiak érzelmeit a' tárgyban elérte 's kinyilatkoztatta volna. Szükségesnek találtatott ünnepélyesen 's hivatalosan nyilvánossá tenni, hogy az említett szerzőnek gondolkodása módjában se maga ezen sz. szék, se a' kormánya alattiak egyáltaljában meg nem egyeznek, a' mit ezen sz. szék határozási is a' haza előtt bebizonyítanak, mellyeknél folyvást ezen a' megyében az anyakönyvek magyarul iratnak, a' kántoroknál pedig 's falusi tanítóknál a' magyar nyelv tudása 's tanítása a' falusi iskolákban megkivántatik.

A' munkátsi görög egyesült egyházi megye sz. székének novemb. 29.-én 1833 eszt. Ungváron tartott üléséből.

Kiadta Seregélyi Sándor m. k.
a' munkátsi sz. szék hítes jegyzője.

шаго нашего національно-политическаго дѣятеля А. И. Добрянскаго, который весьма покровительствовалъ дѣлу начатому Духновичемъ. Добрянскій былъ всюду, гдѣ требовалась защита русскаго историческаго права, онъ подчеркивалъ, что напрасны всѣ стремленія подавить русскость на Карпатской Руси. 6 декабря 1867 года Добрянскій предложилъ мадыарскому парламенту меморандумъ по вопросу о національности, въ которомъ онъ требовалъ для русскихъ Подкарпатя равныхъ правъ съ другими народностями и предлагалъ реорганизацію мадыарскаго государства въ государство кантоновъ, а именно— мадыарскаго, румынскаго, словацкаго, русскаго и нѣмецкаго*). При этомъ подчеркивалъ, что если русскіе по прежнему останутся въ такой зависимости отъ мадыаръ, то они будутъ принуждены искать себѣ новое отечество. Добрянскій, будучи правителемъ русской области послѣ мадыарскаго мятежа помогъ возрожденію русскости, вплоть до того, что русскій языкъ былъ объявленъ языкомъ официальнымъ. Конечно, это распоряженіе Добрянскаго, ввиду его скорой отставки, осталось бы только бумажной реформой, если-бы Духновичъ не помогъ дѣлу обученія русскому языку своей грамматикой, читанками, азбукой и не вдохновилъ національное чувство своими стихами.

Кромѣ А. И. Добрянскаго Духновичу не мало способствовали: Викторъ Добрянскій, братъ А. Ив., Иванъ И. Раковскій, Антоній Рубій, Александръ Павловичъ, Андрей Поповичъ, Георгій Маркошъ, Викторъ Ладомірскій, Андрей Балудянскій, Иванъ Вислоцкій, Иванъ и Стефанъ Петрики, Андрей Яромись, Николай Нодь, Андрей Ковалицкій, Михаилъ Бескидъ, Иванъ Мегай, Петръ Яковичъ, Константинъ Зубрицкій, Иванъ Ружицкій, Георгій Шолтись и др. При помощи ихъ Духновичъ основалъ Пряшевское Литературное Заведеніе (1850) во главѣ съ еп. Гаганцомъ, которое въ 1851 году издало альманахъ и способствовало изданію 10 книжечекъ просвѣтительнаго значенія. Душею всего предприятия, естественно, былъ Духновичъ. Его пряшевская квартира напоминала карпаторусскій литературно-національный генштабъ, сюда приходили вѣсти изъ Ужгорода, Будина, Вѣны, Львова, Перемышля, Петербурга и т. д., отсюда же исходили распоряженія на всю Карпатскую Русь. Кисти художника достоинъ этотъ кругъ во главѣ со старымъ соко-

*) Этотъ проэктъ онъ повторилъ въ 1900 году незадолго до своей смерти въ Вѣнской газетѣ «Славянское Эхо» (Slavische Echo), выступая противъ плана барона Эрба. Добрянскій предлагалъ созданіе автономныхъ національныхъ корпорацій, которымъ предоставлялось бы право рѣшать національные вопросы. Изъ этихъ сеймовъ создались бы затѣмъ рейхсратъ, который вѣдалъ бы государственными и матерьяльными вопросами.

ЛОМЪ — ДУХНОВИЧЕМЪ, КОТОРЫЙ НИ НА МИНУТУ НЕ ЗАБЫВАЛЪ СВОИХЪ МОЛОДЫХЪ СОКОЛЯТЪ :

Плещите русски дѣтята,
Вамъ весна блистаетъ,
Вѣтры съ юга подуваютьъ,
Обновилась природа,
Съ ней народна свобода.

.
Стройте стѣны, будуйте домъ,
Съ чувственнаго ирамора,
Оставленный ужъ прадѣдомъ
Обновить его пора,
Стройте гнѣздо для потомковъ,
Для будущихъ родныхъ внуковъ,
Сѣйте богато сѣмя,
Чтобъ задержалось племя.

Несомнѣнной заслугой этихъ птенцовъ гнѣзда Духновича является горячая привязанность ихъ къ идеямъ возрожденія и самая безграничная вѣра въ пользу предприятия имъ преобразованія. И, если мы до настоящаго времени воспѣваемъ Духновича, несмотря на тяжелыя времена, пережитыя имъ, несмотря на мадьяризацію, прославляемъ Духновича, этому способствовала та энергія, которую возбуждалъ онъ въ своихъ послѣдователяхъ. Стойкость, ловкость и самоотверженность «птенцовъ» дѣйствительно немало содѣйствовала славѣ «сокола» — Духновича.

Личная дѣятельность самого Духновича была очень разнообразна; онъ былъ священникомъ, учителемъ, поэтомъ, драматургомъ, педагогомъ, журналистомъ, организаторомъ. Какъ это видно уже изъ его званія, свои способности онъ не сосредоточивалъ на чемъ либо одномъ, но распредѣлялъ свой талантъ, насколько это требовалось, на всѣ отрасли. Духновичъ написалъ букварь, литургическій катехись, географію, молитвенникъ, народную педагогію, грамматику русскаго языка и т. д. Писалъ въ газетахъ, издавалъ календари и альманахи. Основалъ Литературное Заведеніе въ Пряшевѣ, которое затѣмъ выросло въ О-во св. Василя Великаго, наслѣдникомъ котораго является О-во им. А. В. Духновича. Положилъ основаніе пряшевскому О-ву св. Іоанна Крестителя. Можно только удивляться, какъ у этого старика хватало на все времени. Сегодня онъ былъ въ Ужгородѣ, завтра — въ Львовѣ, затѣмъ — въ Мукачевѣ и т. д. И вездѣ онъ работалъ, вездѣ возбуждалъ.

Какъ истинно поэтическая натура, Духновичъ былъ удивительно богатъ вѣрою въ непобѣдимую силу идеи, и онъ самъ олицетворялъ идею, надъ которой оказались бессильны гнетъ и насиліе. Изъ того-же поэтическаго источника былъ и его живой, бодрый и свѣтлый оптимизмъ, ко-

торымъ всегда вѣяло отъ его существа, вопреки всѣмъ преградамъ, вопреки лѣности, нерадѣнію, злобѣ и порчѣ своихъ ближайшихъ братьевъ.

«Не забуду по всей жизни, — говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, — по скончанію несчастнаго мятежа такъ званнаго Кошутовскаго въ Угорщинѣ, угорскіе русины, російскими полками одушевленные, зачали по народному думать, воздвигше по силамъ слабымъ и письменность свою. Я въ томъ дѣлѣ былъ одушевленъ, побуждалъ молодежь русскую до дѣла, источивъ силы и деньги, выдалъ сей часъ дѣльце подъ заглавіемъ: «Книжница для начинающихъ», которое дѣльце для простаго народа въ стихахъ, четыре разъ печатанное, великую принесло пользу для народнаго духа и для литературы. Издалъ сей часъ молитвенничокъ русскій: «Хлѣбъ Души», которое дѣльце съ восторгомъ расхваченное такъ, что четыре разы должно было его печатать. Сей часъ издалъ Альманахъ и Мѣсяцословъ и пр.

Я радовался духомъ, что наши забвенные русины показали пламень духовной жизни, трудился ночью и днѣмъ, боролся съ перепонами и врагами и заложилъ, учредивъ Литературное Заведеніе, которые порядочно издавало начальныя литературныя сочиненія.

И радостно могу сказать, что русины Епархіи Пряшевской одушевились, найпаче же молодежь стала душевно ревновать за русскій духъ и за русское слово. Дѣвушки уже не стыдились пѣть русскія пѣсни, а пѣсня моя народная: «Я русинъ былъ, есмь и буду» по всюду голосовала въ обществахъ, да уже и жида зачинали учить русскому. На гимназійи пряшевской я преподавалъ русскій языкъ и любезно посѣщали школу мою не токмо русины, но и словаки и мадьяры да и лютеранскіе ученики. Кто извѣститъ мое удовольствіе, я трепеталъ въ радости, думая, что оно и таки останется навсегда!

Уже все было готовое въ моихъ торжествующихъ мысляхъ, токмо печатни требовалъ уже, ко исполненію и совершенію своихъ думъ и разгадалъ лучшій на тое способъ откупить у ужгородскаго печатаря Кароля Еллингера печатню, т. е. привилегію и отдать ю Отцамъ Василіанамъ мукачевскимъ и учредить тамъ русскую печатню. Посоветовавъ о дѣлѣ съ отцемъ протоигуменомъ Яковомъ Бованконичомъ и онъ готовымъ показался откупить печатню и сотворить русскую, словомъ все было уже совершенно исполнено, токмо нужно было архіерейскаго соизволенія. Я протѣ 1851 года въ мѣсяцѣ Іуни удался до Архіерея мункачевскаго до Ужгорода, сообщивъ Ему приватно намѣреніе мое и благосклонность протоигумена, Архіерей похвалилъ дѣло народное и сказалъ, что тое на консисторіи предложить и скончить полезно.

На третій день Архіерей Василій Поповичъ скликалъ консисторъ и я такожде прибылъ на конференцію, но вмѣсто ожидааннаго предмета представлень былъ одинъ процессъ брачный, e carite adulterii ad vinculum. По двухъ часахъ процессъ докончился; тогда я всталъ съ кротостью и поздравилъ Епископа и всѣхъ членовъ именемъ моего Епископа, капитула и клира, хотѣвъ внести предметъ мой о развитіи литературы народной и о печатнѣ. Но Епископъ прервалъ мое слово и смотря на землю разъяреннымъ голосомъ спросилъ меня: «Et habet ne credentiales litteras?» Я тѣми словами опарень, отвѣтовалъ: «Ego credentiales non habeo, qui tales non mihi necessarias fore iudicaveram, interim ego sum hic notus, non venio ex America, hic fueram in hacce S. Sede notarius annis sex et sum ad hancce S. Sedem juratus assessor, nec scio, quo facto privatus hocce privilegio? Ceterum si mei mittentes supposuissent necessarias mihi fore hic loci credentiales, tales mihi ad unum prisma charte scripturi erant.»

На тое Владыко своимъ подозрительнымъ голосомъ отвѣтилъ: «Non, non, hic nihil poterit proponere, si non habet credentiales.»

Я смятенъ покорно отповѣлъ: «Ergo si me non dignatur audire qua missum, adminus qua privatum et notum individuum, Sacrae hujus Sedii membrum audire gratiose dignetur, ego nullos facio motus, volo negotium proponere commune nationale videlicet de erigenda nationali typographia, quae ex quaestio nationis, cujus omnes membra summus.»

Но Владыка упорно отвѣтилъ: «Nulla hic proiecta fieri potuerunt, nisi habent credentiales; non, non!»

Съ тѣмъ Владыка всталъ и отѣишоль и такъ конецъ былъ згодѣ.

Я такожде отѣишоль на мою квартиру на парафію цегольнунскую, вооруженны крѣчучи, чтобъ имъ выдать яко что никогда въ жизни не вѣжу городъ, въ которомъ отъ дѣтства воспитанъ былъ. И отѣхаль не безъ смятенія.

Но что сталося? Я отѣхаль изъ Ужгорода, отѣхаль покойно. А сей часъ жандармы приходятъ на парафію цегольнянскую, вооруженны крѣчучи, чтобъ имъ выдать якогось бунтовщика, возмутителя каноника Духновича и, невыслѣдивъ того, по цѣльномъ городѣ разбѣглися, искаючи баламутника, агитатора русскаго и россійскаго пропагандиста.

Начальникъ столичный Янке сей часъ писалъ чиновное посланіе на епископа Поповича, чтобы выдалъ каноника Диновича (такъ было писано), но епископъ отвѣтилъ, что онъ Диновича каноника не познаетъ и что подъ тѣмъ именемъ у него никто не былъ.

Такъ повадилося со мной въ Ужгородѣ и мои намѣренія въ пользу народа мадыярами, больше-же русскими мадыяро-

нами (ренегатами) такъ были возданы. Господь да отмездить имъ, не видѣтъ бо, что творять».

Конечно, и это странное отношеніе епископа мукачевскаго Духновича остановить не могло. Онъ хорошо узналъ ситуацію въ мукачевской епархіи. Положеніе характеризуетъ и то, что его альманахъ тамъ никто не купилъ. Однако съ самимъ епископомъ Поповичемъ онъ еще пребывалъ въ личной дружбѣ, начавшейся еще съ Прящева. Хотя подъ вліяніемъ семьи со стороны матери епископъ и тянулъ къ мадьярамъ, но послѣ подавленія мятежа онъ рѣшительно сталъ на русскую точку зрѣнія. Въ своемъ письмѣ отъ 23-го ноября 1849 года за № 2932 онъ увѣдомилъ епископа Ганца, что призвалъ свое священство обучаться русскому языку, своихъ воспитанниковъ онъ просвѣщалъ въ русскомъ духѣ, переписка, какъ официальная, такъ и частная шла исключительно на русскомъ языкѣ. Тамъ-же онъ отмѣтилъ, что распорядился о закупкѣ всѣхъ изданій Духновича. 29-го декабря 1849 года онъ въ томъ-же духѣ писалъ и Добрянскому, прося его постараться, чтобы конституція отъ 4-го марта 1849 года была принята въ цѣломъ также и по отношенію къ русскимъ. Отмѣтилъ, что народъ только въ томъ случаѣ можетъ имѣть довѣріе, если имъ будутъ править въ русскомъ духѣ русскіе чиновники. Любопытно, что онъ не оставилъ безъ вниманія и календарь, требуя, чтобы на русской территоріи пользовались русскимъ календаремъ даже и во всѣхъ официальныхъ отношеніяхъ.

Необходимо подчеркнуть, что Духновичъ, когда прибылъ въ Ужгородъ, еще не зналъ, что епископъ Поповичъ уже находится подъ полицейскимъ надзоромъ, вслѣдствіи своихъ симпатій къ кошутовскому мятежу, а тѣмъ еще менѣе понималъ, что самая конституція отъ 4 марта 1849 года являлась прежде всего обманомъ, что создана она была для того, чтобы ввести въ заблужденіе русскаго царя, а затѣмъ этимъ заблужденіемъ Австрія воспользовалась въ своихъ цѣляхъ.

Такъ начала парализоваться дѣятельность Духновича, и духъ епархіи, вопреки лучшимъ намѣреніямъ епископа Поповича и благодаря преслѣдованіямъ со стороны правительства, остался все тотъ-же.

Духновичъ рассказываетъ:

«27 серпня 1859 совершилося освященіе русской церкви въ Мукачовѣ, которая была создана изъ давней епископской палаты такъ, что палата составляетъ середину, а къ ней прибудовано съ одной стороны святилище, а съ другой колокольница. Святитель Архіерей Василій Поповичъ Мукачевскій посвятилъ сію церковь торжественно. Русская громада угостила подъ зеленыма вѣтвями украшеннымъ шатромъ 400 гостей.

Разговоръ былъ одинъ мадьярскій, и никто не слы-

шалъ тутъ русскаго слова и самъ Архіерей всегда по мадьярски теркоталъ, священники-же русскіи всѣ по мадьярски мондокали. Случилось-же тутъ, что крылошанинъ Василій Гаджега, по належитости своей вставъ и пришивъ одинъ то-асть по русски, то сей часъ сталася тревога у гостей, всѣ начали морокотать, кричать, своеволить, рѣзвить, стульями бросать и шумить: *nem halljuk — magyagul* — не слушаемъ (по мадьярски).

Бѣдный витія и между ропотомъ не возмутился, продолжая русскую рѣчь, на кою русскіи священники плювали, крича: «*magyagul, magyagul, nem halljuk, nem értjük*» и проч., то есть: по мадьярски, по мадьярски, не слушаемъ, не понимаемъ. Нѣкоторые отступили отъ стола, чтобы не слышать русскаго слова!

Такъ отбылася русская гостина по мадьярски, гдѣ проклинадося русское слово.

По обѣдѣ русскіи священники зачали между особную драку; большая часть клеветала на оратора, за соблазнъ почитая, что каноникъ осмѣлился по русски говорити при освященіи русской церкви. Онъ долженъ былъ, говорили, у мадьярскомъ краю по мадьярски говорить, а не по московски. Стыдъ сдѣлалъ каноникъ, по русски говоря, какъ бы то къ простому народу! И т. д.».

Все-же Духновичъ и вопреки столь печальнымъ признакамъ непоколебимо вѣрилъ въ побѣду русской правды. Когда-же было доведено къ его свѣдѣнію, что мукачевская епархія ни одного его Альманаха не закупить, онъ ярко подчеркнул:

«Не гадайте, что мы выкличительно для живущихъ пишемъ стихи и выдаваемъ альманахъ. Мы пишемъ для тѣхъ, которые о 50 годовъ жити будутъ и глядати якъ сокровище Альманахъ нашъ»*).

Эти слова Духновича поистинѣ оказались пророческими.

Важнѣйшій періодъ литературной дѣятельности Духновича относится ко времени 1848—1856 г. г. Далѣе слѣдуетъ значительный перерывъ, вплоть до 1860 г. Въ это время онъ находился подъ полицейскимъ надзоромъ. Печаль Духновича была еще тѣмъ горше, что его недоброжелатели фактически вышли изъ его-же круга. Именно это обстоятельство и повліяло на его панславизмъ, которымъ онъ прежде увлекался.

Правда, Духновичъ и раньше не сочувствовалъ чешскому австрославизму, но недоброжелательныхъ чувствъ противъ чеховъ онъ никогда не питалъ. Онъ только сожалѣлъ, что у нихъ на дѣла созданъ ошибочный взглядъ, а поскольку австрославизмъ провалился вообще, сожалѣлъ, что русскіе и для дальнѣшаго остались рабами чужой власти. Въ эпоху Баха въ русскіе края прибыло немало чеховъ,

и Духновичъ принялъ ихъ сердечно, водилъ съ ними дружбу. Особья-же симпатіи Духновича приобрѣли: Богданъ Носекъ, Павелъ Томасекъ, Вацлавъ Снѣтина, Іоаннъ Моравчикъ, Богумиль Носакъ, Петръ Келнеръ, І. Седлачекъ и Вацлавъ Вальтеръ. Память о нихъ сохранилась въ запискахъ Духновича, гдѣ каждый посвятилъ нашему поэту нѣсколько душевныхъ строкъ, написанныхъ отчасти въ стихахъ*).

Богданъ Носекъ посвятилъ Духновичу слѣдующіе стихи:

Když z otčiny mně osud kázal jíti,
A mezi cizí lid mne postavil;
Tu jsem vše bláho moje oželil —
Nedoufaje zde útěchy dožiti.

S cizincem něchtěl nikdo obchod míti,
S ním nikdo city tajné nezdělil!
Poznaje »WAS«-tu jsem se narodil
Poznovu, neb již přilel se mnou cíti!

Ať ode mne se cizinců všech tváře
Odvrátí — vždyť mne Slovan miluje!
»Ta přízeň« hřeje mne co slunce záře!

Rusín vždy čecha «bratrem» jmenuje,
Neb oba obětuji u oltáře
»Pramatky Slávy«, jenž jích slučuje.

1. I. 1854.

В. Снѣтина:

Pokud pamět v české hlavě bude dlíti,
Před sebou Váš obraz vezdy budu míti.

16. I. 1854.

Б. Носакъ:

I.

Bratře neslyš hlasu závistníka
K haně předků našich derzího,
I my máme z kmene vlastního
Mužů, kterým vlaší čert a dika.

*

Kdo má nade Tetra panovníka
Aneb Sáma vůdce vyššího,
My sme dali Uhrum Zriniho
Němcům Husa, Vlachům Kopernika.

*

*) Сообщение отъ Туряна, Вѣстникъ для Русиновъ, 1851 г., стр. 507.

A sto jiných krev psan z kerví naši
Ač pak my jen sotvy zdědili
Jejich jméno, soused částku blažší.

Tak svět čini často jako děti
Do studnice z níž se napili
Házejíce kamení a smeti.

Ц

Вѣтры на крылахъ
Или рѣки на волнахъ
Принесте намъ скорѣе
Нашого Ц а р я.

9. II. 1854.

Относительно преслѣдованій Духновича слѣдуетъ при-
помнить его исторію съ квартирой въ Пряшевѣ.

Духновичъ въ началѣ жилъ въ томъ домѣ, который
нынѣ является приходскимъ домомъ. Духновичъ квартиро-
валъ въ верхнемъ этажѣ, а внизу жительствоваала хозяйка,
нѣкая вдова Немешаній. Въ одной изъ комнатъ Духновича
были помѣщены дѣвушки, сироты священниковъ, которыя
посѣщали публичную школу. Такъ какъ по нраву своему
Духновичъ былъ очень гостепріименъ, то у него зачастую
собирались гости, прежде всего русскіе интеллигенты:
Адольфъ и Викторъ Добрянскіе, Рубій, Ковалицкій, Петрикъ
и др., а также и другіе славяне, особливо-же прибывшіе на
службу въ Пряшевѣ чешскіе чиновники. По вечерамъ это
общество сходилось къ Духновичу на ужинъ, послѣ кото-
раго неоднократно любители и знатоки музыки въ салонѣ
Духновича устраивали концерты. Хозяйка дома жаловалась,
что она, вслѣдствіи шума, не можетъ спать и просила Дух-
новича оставить ея квартиру. Поэтому писатель въ 1855 го-
ду переселился въ домъ Христіана Петрика и тоже на
верхній этажъ, такъ какъ внизу квартиру занимада семья
Петрика. Духновичъ еще въ 1851 году былъ отданъ подъ
негласный надзоръ полиціи, о чемъ онъ не догадывался.
Объ этомъ онъ узналъ только послѣ того, какъ послѣ пере-
селенія на новую квартиру, по сосѣдству съ нимъ нанялъ
комнату новый полицейскій адъюнктъ и, подъ предлогомъ
этого сосѣдства, началъ его посѣщать*).

IV.

Какъ мы уже указывали, сочиненія Духновича распа-
даются на поэтическія и прозаическія. Въ сущности говоря
въ каждомъ изъ нихъ есть поэзія, разница только въ фор-

*) Сообщено покойнымъ о. Степаномъ Ханатомъ, который въ
1857 году, по желанію Духновича, занимался съ дочерью его шурина
— Маріей и Анной Баранковичъ изъ Матяшки.

мъ: часть написана стихами, а часть прозою. Вѣроятно, что стихотворная форма была первымъ опытомъ Духновича.

Несомнѣнно одно, что онъ былъ по существу — поэтомъ, и поэтомъ «божьей милостью». Поэзія въ его творчествѣ была началомъ побуждающимъ и черезъ поэзію онъ подошелъ вплотную къ душѣ народной. Въ поэтическомъ существѣ была тайна обаятельности Духновича. Поэтическимъ вдохновеніемъ была насыщена вся его дѣятельность. Зная, однако, званіе Духновича и обстоятельства, при которыхъ онъ обратился къ литературѣ, нельзя мѣрять поэзію Духновича критеріемъ поэзіи современной, по строгимъ правиламъ поэтики. Духновичъ былъ началомъ, а не результатомъ процесса. Тамъ, гдѣ мы видимъ работу создателя-организатора и будителя, едва-ли умѣстно искать олимпійскія работы.

Жизнь будителя — непокойная. Она постоянно отвлекается отъ спокойнаго, кабинетнаго труда, отъ мирной уединенности, столь любезной Музамъ. Будитель долженъ все обнимать всею душою, его вниманіе должно распространяться на всѣ стороны народной жизни, во имя которой онъ работаетъ.

Въ Духновичѣ было все то, что требовала эпоха возрожденія. Ввиду той огромной задачи, которая выпала ему на долю въ этомъ возрожденіи, нельзя требовать отъ него совершенства. Всюду у него были только начала, поэзія его тоже связана съ поспѣшностью, времени не было обрабатывать созданное, когда нужно было пробуждать народъ отъ сна и влгать въ его уста русскую пѣсню. Духновичъ зачастую ставилъ неправильно ударенія, но вѣдь русской школы онъ не проходилъ, а тамъ, гдѣ онъ обучился русскому языку, на Пряшевщинѣ, тамъ вліянія чехословацкія, польскія и мадьярскія такъ скрещивались, что удареніе русскаго слова было словно изъято. Школы въ эпоху Духновича были латинскія, а поскольку въ нихъ пользовались славянскимъ языкомъ, то этимъ языкомъ была смѣсь церковно-славянскаго и мѣстныхъ, искалѣченныхъ вліяніями нарѣчій. Иванъ Созанскій въ своей критикѣ Духновича замѣчаетъ: «Духнович пропагував спершу церковно-славянщину у нашій літературі, згодом одначе кидає каменем в свою власну роботу, з гидкою нікчемністю осуждає живу народну мову, в якій видав він 1847 р. свою книжицю читальну для сільських дітей та якою написав одну свою драму, а заявляє остентаційно, що усім письменникам треба прийняти як літературну мову образований російський язык. Таку саму нестійність поглядів автора бачимо і з його віршів. Духнович улягає спершу впливови панславістичного руху, якій появив ся завдяки праці деяких російських поетів-утопістів, а якій захопив скоро чимало здібних людей між іншими

славянськими народами, головно в Чехіі, а далі стає на ґрунті наскрізь общерусским»*)).

Въ этомъ безграмотномъ замѣчаніи заключается полная нелѣпость. Духновичъ не только не осуждалъ живого народнаго языка, но и стремился къ нему. Стремился его очистить отъ иноземныхъ вліяній, которыми пестритъ критика Созаньскаго, стремился хаосъ замѣнить живымъ русскимъ языкомъ. И бѣда только въ томъ, что этотъ очищенный народный языкъ оказался ближе къ русскому литературному языку, чѣмъ къ польскому діалекту г. Созаньскаго. «Жива народна мова» Созаньскаго опредѣляется закономъ, — «пиши, какъ говоришь», но самъ онъ пишетъ новоизмышленной орфографіей, т. е. придерживается какой-то системы, пользуется польскимъ словаремъ, въ то время какъ въ дѣйствительности народный говоръ у насъ необычайно разнообразень, что городъ — то норовъ, что село — то говоръ. Противъ разноголосицы Духновичъ рѣшительно возставалъ всегда, онъ былъ за однообразіе и противъ раздробленія. Онъ писалъ: «Мы сами съ собой сражаемся и мѣсто совокупленія и мѣсто едноты распрю и ненависть въ насъ возбуждаеме и сего онаго смутное быти слѣдствіе, что еденъ другого потупивши разидається якъ столпа вавилонскаго строителя себѣ непорозумѣвши».

Прогрессъ въ области формы въ стихотвореніяхъ Духновича явственно бросается въ глаза. Въ его первыхъ опытахъ вовсе нѣтъ никакой метрики, рифмы бѣдны и однообразны. Взять хотя-бы, напримѣръ, оду въ честь Василя Поповича ко дню 1 января 1837 года:

Горѣ, о горѣ злата зоренька,
Гнусныя хмары расхити,
Сіяй лучами свѣтлы скоренько,
Радостный день сей просвѣти.
Весело торжествуй.

Особенно трудно Духновичу было съ удареніемъ. Чувство ударенія было потеряно, поэтъ принужденъ былъ довольствоваться силлабическимъ методомъ, независимо отъ удареній. Потому, читая его стихи съ правильнымъ удареніемъ, легко ихъ смѣшать съ рифмованной прозой:

Тѣнное ты ночи свѣтило,
Славно-воздушное тѣло,
Чувствительныхъ сердець другъ,
Славный твой видъ, славный кругъ.

По лазурному плаваешь
Воздуху, ты озаряешь

*) Записки Наук. То-ва Шевченка, 1908, стр. 130.

Запутанныя думы,
Ты просвѣщаешь умы.

(«М ѣ с я ц ѣ»).

Однако, есть у него все-же и стихи, написанныя по тоническому методу:

Когда со славой день съ небесъ снисходитъ вновь
И прелести всея природы пробуждаетъ,
И травки и цвѣтокъ когда ко мнѣ вѣщаетъ:
Богъ мудрость есть, онъ есть предвѣчная любовь,
Тогда душа моя возвеселилася.

(«Мысль въ началѣ весны»).

Но, несмотря на все это, несмотря на несовершенную силлабическую форму и неправильность ударенія, стихи Духновича все-же являются предметомъ несомнѣнной поэзіи. Хотя они съ современной точки зрѣнія и устарѣли, но и понынѣ не только идеи, но и форма трогаютъ сердце читателя. Всѣ они полны нѣжностью.

Вообще характерной чертой творчества Духновича является нѣкая внутренняя любовная теплота, веселье сердца, щедрого любовью къ своему народу, тихая скорбь по поводу его бѣдности и надежда на лучшее будущее. Духновичъ обладалъ природнымъ юморомъ, лишеннымъ злого сарказма; въ этомъ отношеніи характерны его стихи: «Приди ты до насъ...», «Муха», «Надгробное вепрю» и др., гдѣ поученіе, юморъ и легкость формы сочетаются въ живой и бодрой вещи.

Первымъ стихотвореніемъ Духновича, сохранившимся для потомства была «Ода на триумфъ Николая Царя Россіи». Затѣмъ слѣдовали «Стихи на взятіе Варны». Эти вещи были написаны въ Бѣловѣжѣ. Но въ печати стихотворенія поэта появились только въ 1850 году въ альманахѣ имъ-же составленномъ и напечатанномъ въ Перемышлѣ. Вѣроятно, однако, что не указанные оды были его первыми опытами. Сердце Духновича было любвеобильно, любовь есть импульсъ души, вѣроятно любовная лирика и вдохновила его впервые для поэзіи. Чувство любви проявляется у него рано, гораздо ранѣе 1829 года, но поэтическія отраженія этого чувства для насъ не сохранились.

Обреченный на безбрачіе, Духновичъ часто подчеркиваетъ, что «безбрачество есть широкая пустыня, въ который заточенный человѣкъ блукается, всегда искаая что-то, да и того не находитъ за чѣмъ пряжетъ». Къ этому добавляетъ: «молодому и старому бѣда на свѣтѣ самому».

Духновичъ не только самъ симпатизировалъ женщинамъ, но и пользовался ихъ симпатіей. Въ его запискахъ немало сохранилось женскихъ именъ, многія изъ носительницъ ихъ принадлежали къ дворянскимъ фамиліямъ: Шем-

шей, Кишшъ, Станкай. Въ память Терезіи Станкай, скончавшейся 26 ноября 1855 года, въ возрастѣ 52 лѣтъ, Духновичъ въ своемъ альбомѣ нарисовалъ крестъ увитый вѣнкомъ и написалъ стихи:

Взоръ твой здѣсь изъ мыслей
Не выходитъ никогда;
Имя мнѣ твое любезно
Въ устахъ моихъ всегда.

Ей-же по всей вѣроятности предназначены и стихи «Т». Но, вопреки его богатому знакомству въ женскомъ кругу, сердце его еще измлада было предано одной. Кто эта Юлія? Попытка разгадать не дала результатовъ, тайна останется, вѣроятно, навѣки. Одно только явно, что любовь молодости долго согрѣвала его сердце, объ этомъ говоритъ его «Помяникъ» отъ 1 сентября 1856 года. Насколько удастся заключать изъ стихотворенія «Надъ могилой милой», его возлюбленная скончалась въ концѣ 1863 года, а возможно, что и въ началѣ 1864 года, слѣдовательно незадолго передъ Духновичемъ.

Духновичъ весь отдавался любви, его любовь была глубока, передъ нею весь міръ казался ему чѣмъ-то постороннимъ, чуждымъ. Любви Духновича помѣшала злая судьба. Отецъ у него умеръ рано, въ 1816 году (5-го ноября), осталась мать и двое сиротъ. Чтобы помочь имъ, Духновичъ принесъ въ жертву любовь и остался холостякомъ. Иронія судьбы была въ томъ, что его жертва оказалась напрасной, онъ самъ обреченъ былъ нуждаться. Какъ извѣстно, епископъ Тарковичъ опредѣлилъ ему службу въ центрѣ и не былъ къ нему благосклоненъ. Эта судьба Духновича находитъ отраженіе въ его стихахъ «О придворной жизни». Несчастливая мать бѣдовала, а затѣмъ, когда выдала дочку Зузанну замужъ за Георгія Невицкаго въ Рететахъ, сама переселилась къ ней, гдѣ и скончалась*) 1/13 августа 1843 года.

Замѣтимъ, что сама Зузанна скончалась еще въ 1829 году, слѣдовательно, вдова должна была принять на себя роль и матери и бабушки. Зять ея Георгій Невицкій умеръ въ 1854 году. Въ память сестры и шурина Духновичъ написалъ въ своемъ альбомѣ слѣдующее:

Васъ уже темный гробъ
Вѣчно покрываетъ;
Память вашихъ особъ
Во мнѣ не вгасаетъ.

На похоронахъ матери поэтъ прочиталъ трогательные стихи:

*) Карпатскій Свѣтъ, 1928, стр. 163.

Проспись, проспись, любезна до тѣхъ поръ,
Съищу тебе тамъ, где будетъ общій сборъ;
Увидимся на Юсафатъ-долинѣ,
Прощай, прощай, не забывай о сынѣ.

Важно отмѣтить, что наиболѣе поэтически плодовитымъ Духновичъ былъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда уже началъ заниматься національно-общественной дѣятельностью. До 1847 года знаемъ только 7 его стихотвореній, а отъ этого срока и до смерти 89. Особенно много онъ намъ оставилъ отъ періодовъ 1850—1852 гг. и 1860—1864 гг. Болѣе всего написано имъ въ послѣдній годъ передъ смертью, и эти его стихи особенно для насъ цѣнны.

По преимуществу Духновичъ былъ лирикомъ. Его Муза — субъективна. Однако, были у него и попытки эпического творчества, вѣрнѣе лиро-эпического, хотя и не многочисленныя.

Формально Духновича нельзя отнести ни къ одному изъ теченій его времени. Онъ не считалъ нужнымъ подражать, но воспѣвалъ все, что трогало его душу. Онъ былъ поистинѣ народнымъ пѣвцомъ, самъ вышелъ изъ народа и постоянно возвращался къ народу въ своемъ творествѣ. Духновичъ воспѣвалъ Бога и природу, любовь и жизнь, но особенно горячее чувство вдохновенія овладѣвало имъ при темахъ національно-патріотическихъ. Онъ былъ апостоломъ русскости на Карпатахъ, онъ пробуждалъ русское национальное чувство, своимъ примѣромъ утверждалъ давно угасшій патріотизмъ.

Чтобы его проповѣдь русскости имѣла большій успѣхъ, онъ говорилъ о русской славѣ, о русской крѣпости, указывалъ на русскія побѣды и въ то-же время предостерегалъ карпаторусскую общественность отъ «царя Пернатыхъ» (отъ Габсбурговъ), съ хитрой Зозулы.

Конечно, не только простонародье слѣдовало вдохновлять Духновичу, въ простонародномъ сердцѣ жила еще национальная любовь, русское слово забыто не было. Карпаторусская интеллигенція переживала не только национальный кризисъ, какъ явленіе временное, но и періодъ полной денационализаціи, и къ интеллигенціи было направлено воззваніе и напоминаніе нашего національнаго вождя. Онъ призывалъ интеллигенцію вспомнить о своей національности, руководить народомъ, просвѣщать народъ и не смотрѣть на народъ только какъ на средство къ своему благополучію. Къ интеллигенціи Духновичъ былъ безпощаденъ: онъ сожалѣлъ о клеветникахъ, негодовалъ на национальныхъ измѣнниковъ, упрекалъ фальшивыхъ друзей...

Эта твердость, настойчивость, активность и терпѣніе Духновича привели къ тому, что и при неблагоприятной

Почвъ и условіяхъ посѣва, все-же явились достаточные всходы, русская жизнь крѣпла, русское самосознаніе ширилось. Такъ началось на Подкарпаты національное возрожденіе, руководство которымъ по преемственности приняли на себя Попрадовъ-Ставровскій, Е. А. Фенцикъ, Уріиль Метеоръ (Сильвай) и другіе, такъ что на старости лѣтъ Духновичъ спокойно могъ склонить свою голову, съ полнымъ убѣжденіемъ, что его миссія кончилась достойно, и народъ избѣжалъ гибели.

И, если потомство стойко придерживается завѣтовъ Духновича, то показываетъ, что народный врачъ духовно еще живъ, что народу не нужно искать средствъ къ новой борьбѣ, но достаточно только продолжать традицію, пред-указанную Духновичемъ.

Завѣщаніе Духновича для карпатороссовъ — путь къ истинѣ и свѣту!

ИЗДАНИЯ О-ВА ИМ. АЛ. ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДЪ.

45. Проф. О. О. Аристовъ: Библиографическій перечень творчества А. В. Духновича, 1928. — ц. 1 кч 50 гел.
46. Д-ръ Евгений Недзѣльскій: Изъ чешской лирики. 15 кч.
47. Проф. А. Флоровскій: Замѣтки И. С. Орлая о К. Руси. 2 кч.
48. В. А. Францевъ: Десять лѣтъ свободной жизни Чсл. народа. 3 кч.
49. Д-ръ Ст. А. Фенцикъ: Галиція. 3 кч.
50. Д-ръ Н. А. Бескидь: Попрадовъ 12 кч
51. Проф. Ю. А. Яворскій: Поученіе о снахъ. 1 кч.
52. Проф. Ю. А. Яворскій: Дополненіе къ библиогр. А. Духновича. 1 кч.
53. Д-ръ Симеонъ А. Сабовъ. 1 кч.
54. Д-ръ А. Л. Петровъ (печатається).
55. Проф. О. О. Аристовъ: А. В. Духновичъ. 3 кч.
56. Павелъ Федоръ: Очерки карпаторусской литературы. 12 кч.
57. Павелъ Федоръ: Правда побѣждаетъ, пьеса. 5 кч.
58. А. Карабелешъ: Въ лучахъ разсвѣта, стихи 29 кч.
59. Д-ръ С. А. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва им. А. Духновича въ 1928 г.
60. Юбилейный сборникъ посвященный Е. И. Сабову. ц. 10 кч.
61. Проф. В. А. Францевъ: Изъ исторіи письменности Подкарп. Руси XVIII—XIX стол. — 1.50 кч.
62. Проф. Ю. А. Яворскій: Національное самосознаніе карпатороссовъ на рубежѣ XVIII—XIX вѣковъ — 1 кч.
63. Проф. А. Л. Петровъ: Къ исторіи села Каменки — 2 кч.
64. Народный календарь О-ва на 1930 годъ подъ ред. д-ра Степана А. Фенцика — 4 кч.
65. Янъ Неруда — избранные рассказы, пер. и вступ. статья Е. Л. Недзѣльскаго — 16 кч.
66. Д-ръ Степанъ Фенцикъ: Чехословаки и карпатороссы — 5 кч.
67. А. Бобульскій: Въ святой вечеръ, пьеса въ 2-хъ дѣйств. — 6 кч.
68. А. Бобульскій: Верховинская кровь, пьеса въ 3 дѣйств. (печатається).
69. А. М. Волконскій: Малороссъ или украинець? 1928. — ц. 1 кч.
70. Сборникъ статей, посвященныхъ памяти Добрянскаго, 1929 — 1 кч.
71. Проф. Ю. А. Яворскій: Старая латинская записка о селѣ Гукли-вомъ, 1929 — ц. 1 кч.
72. Д-ръ Степанъ Фенцикъ: Руководство къ организаци и веденію Русскихъ Народныхъ Читаленъ им. А. В. Духновича, 1929 — 1 кч.
73. Графъ А. Салтыковъ: Евразійцы или украинцы, 1930 — ц. 10 кч.
74. Д-ръ Н. А. Бескидь: А. В. Духновичъ (печатається).
75. Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ: Русскимъ Скаутамъ, 1929 — ц. 1 кч.
76. Сборникъ о Балудянскомъ (готовится къ печати).
77. Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва им. А. В. Духновича въ 1929/30 г. — ц. 3 кч.
78. Собраніе сочиненій Е. А. Фенцика подъ редакціей Д-ра С. А. Фенцика — ч. I.
79. Собраніе сочиненій Е. А. Фенцика подъ ред. Д-ра С. А. Фенцика — ч. II.
80. Собраніе сочиненій Е. А. Фенцика подъ ред. Д-ра С. А. Фенцика — ч. III (готовится къ печати).
81. Собраніе стихотвореній А. В. Духновича подъ ред. Д-ра Н. А. Бескида (готовится къ печати).
82. Проф. Валерій Псгорѣловъ: Мих. Лучкай и его грамматика, 1930 — ц. 2 кч.
83. Проф. Ю. А. Яворскій: П. Д. Лодій въ изображеніи польскаго романиста, 1930 — ц. 1 кч.
84. Проф. О. О. Аристовъ: А. И. Добрянскій (готовится къ печати).

85. Проф. О. О. Аристовъ: Амв. Аф. Полянскій (готовится къ печати).
86. А. В. Поповъ: О. О. Аристовъ, очеркъ его дѣятельности къ 25-лѣт-
нему юбилею (готовится къ печати).
87. Разказы новѣйшихъ русскихъ писателей, 1930 — ц. 3 кч.
88. Евгеній Недзѣльскій: Народные разказы, 1930 — ц. 3 кч.
89. Русский Народный Календарь на 1931 г., 1930 — ц. 4 кч.
90. В. А. Францевъ: Русский іезуитъ Мартыновъ, 1930 — ц. 1 кч.
91. Михаилъ Парлагъ: Разказы о Михлѣ (печатається).
92. Сергѣй Савиновъ: Легенды Подкарпатской Руси (печатається).
93. Виталій Витяземскій: Огненная Икона (печатається).
94. Сіонъ Сильвай: Маруся, пьеса въ 4-хъ дѣйств., 1930 — ц. 6 кч.
95. Антоній Бобульскій: Рождественская игра, пьеса въ 1 дѣйствіи,
1930 — ц. 2 кч.
96. Антоній Бобульскій: Мессія, пьеса, 1930 — ц. 4 кч.
98. Д-ръ Степанъ Фенцикъ: Карпатороссы и Россіяне, 1930 — ц. 4 кч.
99. Дѣло о покушеніи на Е. И. Сабова, 1930 — ц. 1 кч.

